

A close-up portrait of a young woman with light brown hair and striking blue eyes. She is looking slightly to the left with a soft, contemplative expression. She is wearing a light-colored, possibly white, garment with a subtle pattern. The background is dark and textured, with a vertical strip of reddish-brown material on the left side.

LERA SMIR

ЕЁ ЗВАЛИ НИКТО

ЮНОСТЬ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПРОЯВЛЕНИИ

Её звали Никто. Для них она была лишь человеческой фигурой, предметом, не имеющим даже имени. Но только не для меня. Девочка-Никто стала мне настоящим другом. Я решил вернуть ей счастье и всё изменить. Кто же знал, что моё счастье разобьётся в тот самый миг, когда я решусь встать на её защиту? А впрочем, решай сам, я сейчас тебе всё расскажу.

Её звали Никто

Её звали Никто. Почему? История давняя и не совсем приятная. Юности свойственно быть жестокой. Сколько не пытайся — не сумеешь понять, почему, например, добрую и искреннюю девочку ненавидят, а грубого и трусливого паренька считают героем. Хотя, может, это только со мной такая напасть приключилась, и мне так не повезло? Может быть у остальных всё было нормально, а я просто в детстве нашкодил порядочно, вот и расплачиваюсь теперь? Кто его знает. Всю жизнь у меня всё кувырком да по ямам.

Мне было лет пятнадцать тогда, и мы только переехали в этот серый и неприметный городок. Родителям тут нравилось, а вот я долго не мог привыкнуть к сырой погоде и частым дождям. В городе жила моя бабушка, за ней нужно было кому-то ухаживать. Отцу повезло, ему предложили хорошую работу, поэтому мы, не долго думая, поселились у бабушки и стали обживать на новом месте.

Осень была холодная и дождливая. Ветер отчаянно срывал листья, которые толком ещё не успели пожелтеть, и превращал их в непонятную жёлто-зелёную массу под ногами. Я не был из числа поэтов, которые так любят восхвалять осень в своих стихах. По мне, так лучше лета нет ни одного времени года. Самое тёплое, самое радостное время, когда чувствуешь настоящую свободу. Но что уж поделать, раз лету пришёл конец, и в свои права, уже как две недели, вступила эта рыжая наглая осень!

В тот день я шёл в школу и угодил под дождь. Я спешил, не хотелось начинать первый день с опоздания. До звонка оставалось десять минут, когда я, весь вымокший, забежал в светлый холл. Мимо меня пронеслись и чуть не сбили с ног пятеро громко-кричащих пятиклассников. Жуткие дети были в этой школе.

Я быстро разделся и, закинув рюкзак на одно плечо, побежал по коридору. Первым уроком должна была быть моя любимая алгебра, и я ни за что бы не простил себе, если бы опоздал. Перескакивая через несколько ступенек сразу, я вихрем нёсся по лестнице, не замечая ничего вокруг. Откуда прямо передо мной появился какой-то мужчина, я так и не успел сообразить. Я просто влетел в него со всей дури и повалил нас обоих на пол.

Тот, кого я сбил, определённо был учителем. Я сразу это понял по огромной кипе тетрадей, которая при падении вылетела из его кожаного портфеля. Мужчина на удивление быстро поднялся на ноги и отряхнул брюки. Увидев, что случилось с содержимым его портфеля, он взглянул на меня и покачал головой.

— Ай-й-й, как же так, — досадно протянул он и, подняв парочку тетрадей, которые были ближе всего к нему, сунул их в портфель. — Вы, молодой человек, случайно не фашист?

— Чего?

— А что вы без всякого объявления войны устраиваете вторжение в моё личное пространство? Не стыдно вам?

— Простите, — я вмиг покраснел и, опустив голову, начал собирать тетради, — я просто на урок опаздываю.

— Что за урок хоть? Немецкий, поди? — учитель вновь хитро взглянул на меня, отчего я начал собирать тетради ещё быстрее. — К Наталье Сергеевне на уроки все, даже прогульщики и хулиганы бегут. Чего она там с ними делает, ума не приложу!

— Да нет, не немецкий, алгебра у меня сейчас.

— А в каком ты классе? Что-то я тебя не припомню.

— Восьмой «А». Я сегодня первый день в школе.

— Новенький? Алексей, кажется? А я Пётр Андреевич, веду математику в твоём классе. Пойдём со мной, а то ты ещё кого-нибудь собьёшь.

Я отдал собранные тетради и поплёлся за учителем. Мне было досадно, что я умудрился в первый же день так подставиться. Пока мы шли до кабинета, Пётр Андреевич мне немного рассказал о моём классе.

— Ну, что могу сказать, — вздохнул он, подбирая слова, — класс, как класс, ничего примечательного. Немного их только, всего четырнадцать ребят с тобой. Что-то мне подсказывает, ты с ними быстро общий язык найдёшь. Кстати, а как ты к математике относишься?

— Положительно, конечно, я люблю точные науки, — ответил я. Он предложил мне придти к нему после уроков и порешать задачки. Я согласился. Тем временем прозвенел звонок, и мы вместе зашли в кабинет.

Передо мной стояли тринадцать ребят, и вся эта чёртова дюжина с интересом и какой-то настороженностью глядела на меня. Видимо, им ещё не сообщили, что меня перевели к ним. Новые одноклассники что-то шептали друг другу, но я не мог ничего разобрать. Пётр Андреевич вывел меня на середину класса, положил руку на плечо и заговорил.

— Итак, восьмой «А», этого молодого человека зовут Егоров Алексей, он теперь будет учиться с вами. Присаживайся, Алёша, на любое свободное место, а мы начинаем урок.

Я окинул взглядом класс. Свободных парт было много, но одному сидеть мне не хотелось. Без пары в классе сидела девчонка на второй парте и парень на четвёртой. Мой выбор пал на «Камчатку». Пока шёл, буквально спиной чувствовал пристальный взгляд одноклассников. Я сел на место, приготовился к уроку и только теперь посмотрел на своего нового соседа по парте. Это оказался простоватый по своей наружности русоволосый парнишка с веснушками на лице. Он, в отличие от остальных одноклассников, не спешил открывать тетрадь и слушать учителя. С интересом вглядываясь в меня, он долго молчал. Спустя пару минут речь в нём всё-таки проснулась.

— Привет, я Толик Гордеев, — сказал он непривычным для меня, хриловатым голосом. Я протянул парню руку и мы обменялись рукопожатием. Руки у него были жёсткие и пожатие сильное, он явно не был лодырем, который целыми днями лежит на диване и плюёт в потолок. Мы наскоро переговорили и решили, что он сегодня будет моим проводником по школе.

Я открыл свою тетрадь, записал число, списал с доски что успел и настроился слушать учителя. Пётр Андреевич оказался прекрасным педагогом, все его слушали с большим интересом. Я даже немного расстроился, когда прозвенел звонок и нужно было идти на следующий урок.

В коридоре не протолкнуться, я еле поспевал за шустрым Толиком. Я понятия не имел, куда он меня вёл, однако мы стремительно приближались к чёрному входу, который находился под лестницей. Там нас уже поджидали парни из моего класса, и меня это насторожило. Мы спустились под лестницу и оказались под пролётом в тёмном и тесном закутке. Одноклассники окружили со всех сторон, разглядывая меня, словно я жутко ценный экспонат в музее. Ко мне ближе подошёл один из них. Ростом он был выше меня, да и выглядел старше всех. Парень обошёл меня по кругу и протянул руку:

— Ну привет, Алексей, — сказал он. Я протянул ему свою руку. — Я староста нашего

класса, меня зовут Сергей, но для друзей можно просто Серый. Слышал, ты не местный. Как тебе у нас здесь, нравится?

— Пока ещё не понял. Скажем так, у меня тело «переехало», а вот голова — не совсем.

— Ах-ха-ха-ха, весёлый ты пацан с головой в другом городе! Ладно, не бойсь, класс у нас дружный, быстро ко всем привыкнешь. Со мной и с Толькой, наверное, ты уже познакомился, разреши представить и остальных. Вот наш отличник, главная мозговая извилина класса. Если домашку списать нужно, или на контрольной помочь, то смело к нему обращайся. Зовут его Артём Кузьмин, но на «Кузю» тоже отзывается исправно.

Серёга указал на рыжего парня, который прижимал к груди учебник истории. Артём слабо улыбнулся, глядя на меня.

— Хочу тебе рассказать о наших спортсменах, а по совместительству и о двух самых дружных придурках. Зовут их Валерка и Дима.

Он махнул рукой в сторону двух высоких парней, которые стояли рядом. Они как по команде помахали мне рукой в знак приветствия, после чего один из них продолжил рассказывать какую-то историю другому.

— А вот моя правая рука, наш осведомитель, который, если мне нужно, узнает абсолютно всё. Зовут это чудо природы Игорь. Молчаливый, зараза, но если ты что-то задумаешь, он тебя в два счёта вычислит, — Серый указал мне на неприметного паренька, стоявшего поодаль от всех. Он, сложив руки на груди, оценивающим взглядом смотрел на меня и мысленно будто бы составил уже целое досье. Мне не нравилась ухмылка, не сходявшая с его лица.

— Ладно тебе, Серый, — Толик прервал старосту и подошёл к нам, хлопнув Шувалова по плечу, — хорош парня грузить! Я ему на уроках всё расскажу, не переживай. А раз уж «смотрины» закончены, давайте по-быстрому на улицу до звонка сбегаете, хоть пару затяжек должны успеть сделать. Лёха, ты как, с нами?

— Не, пацаны, не курю. Давайте без меня, — ответил я. Толя невозмутимо пожал плечами и выбежал на улицу. За ним следом отправились Серёжа и Игорь. Спортсмены и ботаник остались со мной под лестницей. Я хотел было поговорить с кем-нибудь из них, но не успел. Прозвенел звонок, и с улицы забежали замёрзшие горе курильщики. Толя крикнул мне что-то и побежал вместе с остальными ребятами, я ничего не понял, но кинулся за ними вдогонку. Мы еле успели добежать до прихода учителя. Парни объяснили, что историчка, которая сейчас должна была вести у нас урок, не любит, когда кто-то опаздывает.

Мы сели с Толиком на последнюю парту, и пока старенькая учительница истории что-то тихо вещала, Гордеев рассказывал мне про класс. Так как с парнями я уже успел познакомиться, Толик рассказывал мне всё про девочек.

— Вот, например, посмотри на Машу Селяеву. Она чаще всего в нашей компании появляется, — Машу я заметил ещё на первом уроке. Симпатичная улыбчивая девочка сразу мне понравилась. — Отличница, мисс совершенство, мечта, а не девчонка, но сразу говорю, лучше не переходить с ней грань дружеских отношений.

— Да я и не собирался... А что такое?

— Да ничего, Серёга просто тебя в карьере утопит и дело с концом, — я удивлённо посмотрел на соседа. Толя понял, что сболтнул лишнего и теперь не знал, говорить ли всё до конца или нет. По натуре Гордеев был тот ещё балагур, поэтому таить секрет, который почти рассказал, он не мог. — Он уже год по Машке слюни пускает, только я тебе об этом не говорил. Весь класс об этом знает, и только Серёга уверен, что его любовь — великая тайна. Он никого к Селяевой не подпускает, говорит, что будет бороться за своё счастье.

— А Маша что?

— Она же леди, — Гордеев манерно протянул букву «е» в слове «леди» и надменно взглянул на меня, видимо, пародируя Машу, — в классе она его особо не выделяет, а вот после уроков они иногда гуляют в общих компаниях.

— Ладно, раз Мария у вас запретный плод, расскажи мне тогда вон про ту брюнетку, которая сидит за второй партой.

— Понравилась? Ну, не удивительно. Здесь ещё веселей. За Дианкой и вовсе вся школа бежит, начиная с пятиклассников и заканчивая одним лаборантом-второкурсником. Она у нас с кем попало не встречается, только самых крутых выбирает. Хорошо, наверное, когда мама — директор школы.

Я ещё раз взглянул на черноволосую красавицу. Она, будто почувствовав, что я обратил на неё внимание, повернулась ко мне. Я улыбнулся и помахал ей рукой. Наградив меня взглядом королевы, она лишь усмехнулась и повернулась обратно. Анатолий ни сколько не удивился такому исходу, а я, чтобы поскорее забыть свою неудачу, выбрал следующую одноклассницу.

— А сидит с Дианой кто? Вроде бы тоже ничего.

— Это Ермакова. Не спорю, Наташка девица видная, только характер у неё уж больно тяжёлый, да и ветреная она. Ну, ты понял, о чём я.

— Нимфетка? — я усмехнулся. — Интересненько. Ну и девчонки у нас в классе, куда ни плюнь — кругом одни сердцеедки! Ладно, нормальные в классе есть? Обычные такие, без выкрутасов.

Толик подумал и указал мне на парту, за которой сидели две девочки.

— Та, что слева — это Катька, — пояснил он, — она самая весёлая в классе. На переменах её почти и не увидишь — всё по этажам скачет, приключения ищет. А рядом с ней Юлия Куликова, она поспокойней будет.

— Вот с ними сперва и познакомлюсь. Слушай, а почему у вас весь первый ряд пустой и только одна девчонка там сидит? — поинтересовался я. Толик посмотрел на неё, потом вновь на меня, потом опять на неё, потом придвинулся ко мне и шёпотом спросил.

— А ты что, её уже видишь?

— В смысле, уже вижу? Кто она?

— Да так, наша местная девочка-призрак, — ответил Гордеев и небрежно махнул рукой в её сторону, — несколько лет назад в этой школе она умерла.

Спокойная интонация моего соседа и смысл, сказанных им слов, совсем не вязались друг с другом. Я ещё раз взглянул на «призрака». Девчонка по-прежнему сидела и писала в тетради.

— Если у тебя крыша поехала, то это не значит, что со мной случилось то же самое! — я как мог пытался доказать Толику его неправоту. — Она живая, её на прошлом уроке Пётр Андреевич спрашивал, она у доски отвечала.

— И что? Всё-равно она призрак, она не существует для нас. Её зовут Никто

— Спорю на что угодно, она живая, и на этой перемене я с ней заговорю.

— Удачи! Только последние пару лет она почти ни с кем не разговаривает.

Я не мог дожидаться окончания урока, который как назло тянулся невообразимо долго. По-возможности я не упускал девочку из виду на случай, если она куда-нибудь испарится. Прозвенел звонок. Вихрем сорвавшись с места, я поскорее собрал учебники в рюкзак, чтобы осуществить задуманное. Толик специально задержался в классе, желая посмотреть на это зрелище.

— Привет, я Лёша, — представился я, ожидая, что таинственная Никто сейчас обернётся и что-нибудь скажет в ответ. Но ничего не происходило, она, будто не слыша меня, продолжала укладывать вещи в свою сумку. Я попробовал ещё раз завязать разговор. — А как тебя зовут?

Девчонка на мгновение замерла, взяв сумку в руки, и развернулась ко мне. Она была невысокого роста и оттого смотрела на меня снизу вверх. Её спокойное лицо было точно позаимствовано у красивой фарфоровой куклы, я видел такие у бабушки в серванте. Ровные и аккуратные черты лица были будто результатом многолетних трудов талантливого скульптора, и лишь одна деталь выдавала в ней человека — её глаза. В этих глубоких глазах застыла тьма. Я пытался отвести взгляд, что-то сказать, но с каждым мгновением странная сила заставляла меня всё смотреть и смотреть на неё. Не помню, сколько я простоял так, но когда вновь начал осознавать реальность, странной девочки рядом со мной уже не было.

— Ну что, поговорил? — ехидно улыбаясь, спросил меня Толик, когда мы вышли в коридор.

— Можешь говорить всё, что угодно, — проворчал я, не глядя на него, — но она живая и никакой не призрак.

— Лёха, ты идиот! Когда я говорил, что она призрак, я имел в виду, что мы её не замечаем, не существует она для нас. А так она вполне себе живая.

— Странные шутки у вас в классе и совсем не смешные. Сколько вы в эти игры с ней играете? День, два, или уже неделю?

— Два года, скоро будет три, — совершенно спокойно ответил Гордеев, и мы зашли в кабинет.

Кабинет физики был пуст, одноклассники толпились за дверью, а учительница, судя по доносящимся голосам, сидела в лаборантской и разговаривала со своей помощницей. Я не понимал, зачем Толя привёл меня сюда. Парнишка тем временем легко запрыгнул на высоченный подоконник, с грустью взглянул на серый двор и немного задумался, будто что-то вспоминая.

— Всё случилось в этом кабинете два года назад, дело было зимой, — Толик явно начал издалека. Я понял, что рассказ будет долгим, поэтому присел за учительский стол и приготовился внимательно слушать. — В нашем шестом «А» было четырнадцать человек. С нами училась ещё одна девочка Кравченко Яна. У Никто тоже было имя — Вероника. Ника была нормальной девчонкой, с ней многие дружили. А потом в один миг всё изменилось. В тот день девчонки сильно поссорились и пришли сюда. Из того, что удалось нам услышать, было ясно, что они не поделили какого-то парня. Не было ещё такой сильной ссоры у нас в классе. Мы с ребятами стояли в коридоре, ждали, когда же они уже выйдут. Сначала тихо было, а потом неожиданно раздался Янин крик, и мы всей толпой вбежали в кабинет. Вероника стояла на подоконнике, а вот Яны нигде не было. Я первый догадался подбежать к окну. Яна упала на острые штыри забора, выжить было невозможно. С тех пор у нас больше нет мира. Мы чуть ли не своими глазами видели, как Берг столкнула Яну, но никто нам не верит. Это война, Алексей, где мы непременно докажем свою правоту и отомстим за Яну. Мы все похоронили в своей памяти Веронику Берг. Для нас нет этого человека, есть только призрак Никто.

Я был ошарашен рассказом Толика. Перед моими глазами пролетали события двухлетней давности. Я видел, будто был там, как симпатичная шатенка Яна в чёрном платье сидит на подоконнике и плачет. Вот она встаёт в полный рост и ладошкой вытирает слёзы, поворачивается лицом к окну и открывает его, холодный зимний воздух врывается в кабинет. Яна глубоко вдыхает, и ей становится легче. Но тут сзади подходит Вероника и с силой толкает свою одноклассницу вперёд. Мои уши оглушил её пронзительный крик...

У меня звенело в ушах, оказалось, это был звонок, и мой класс залетел в кабинет. Я, еле переставляя ногами, добрёл до своего места.

— Это бред, — только и смог выговорить я спустя пару минут. Взглядом нашёл Веронику. С этой маленькой и хрупкой девочкой никак не вязался образ убийцы.

— Это не бред, — упрямо заявил мой сосед и попытался даже меня предостеречь, — и если ты хочешь спокойно жить, не связывайся с ней.

Но я теперь не мог спокойно жить, зная, что в этом классе есть убийца. Я не мог в это поверить. Чтобы во всём разобраться, я решил после уроков сходить к Петру Андреевичу.

Первый день в новой школе медленно подходил к концу. Прозвенел звонок с последнего урока, и я пошёл в кабинет математики. Пётр Андреевич уже ждал меня, записывая на доске примеры. Я сел за парту и начал потихоньку решать, однако вопрос, который крутился у меня на языке уже пол дня, не давал мне покоя.

— Пётр Андреевич, а это правда, что в моём классе девочка когда-то погибла? — наконец, спросил я. Учитель замер с поднятым в воздухе мелом и чуть побледнел. Я понял, что своим вопросом задел старую ноющую рану. Погружённый в свои мысли и воспоминания, он присел на краешек стула, снял очки и устало потёр глаза. Я боялся его тревожить, потому что, похоже, я спросил что-то особенно важное для него.

— Алёша, а кто тебе рассказал об этом? — спросил он.

— Толик Гордеев, а разве это имеет значение?

— Да, впрочем-то, никакого. Эх, Толик был самым первым свидетелем этой трагедии. Да, действительно, два года назад в нашей школе случилась эта нелепая смерть. Яночка была такой способной девочкой, её ждало прекрасное будущее! Мне очень жаль, что она по своей неосторожности так глупо закончила жизнь.

— Почему закончила по неосторожности? Вы считаете, что она сама выпала из окна, и Вероника Берг здесь ни при чём?

— Что за чушь?! — Пётр Андреевич был ни то, что удивлён моим предположением, он, скорее, был очень недоволен, что я мог такое подумать. Я не знал, что ответить и моё молчание было принято как согласие с версией Толика. Удальцов нервно заходил по классу, он был раздражён.

— О, Господи, ну почему этим глупейшим детским рассказням верят больше, чем суровым фактам? Моя племянница Вероника не выталкивала из окна Яну. Из-за этого происшествия мою бедную Нику затравили эти шакалы-одноклассники! Ужасные дети!

Пётр Андреевич попытался взять себя в руки и, как любят это делать преподаватели, продолжил вести урок, будто ничего не произошло. Однако записи его постоянно путались, улыбка больше напоминала жалкую гримасу, да и, проверяя моё решение, он не заметил пару очевидных ошибок. Я решил, что позаниматься нормально сегодня не выйдет и, сославшись на важные дела, поспешил уйти, оставив учителя наедине со своими мыслями. Закрыв за собой дверь, я лицом к лицу столкнулся с Вероникой. Вид у неё был очень уставший и измученный. Всего лишь несколько секунд назад она точно хотела зайти в кабинет, но моё неожиданное появление тут же изменило её планы. Стараясь не смотреть на меня, она развернулась и пошла по коридору. Я тоже пошёл, но в противоположную сторону. Не хочет со мной разговаривать, и не надо.

Если бы было всё так просто.

Остановился. Стоя спиной к Веронике, я спросил, будто в пустоту.

— Почему ты меня избегаешь? Я единственный, кто ничего плохого тебе не сделал.

Я услышал, как её шаги оборвались. Обернувшись, я увидел её, стоящую ко мне спиной.

— Потому что так будет лучше для всех, в том числе и для тебя, — сказала она и поспешила к выходу.

Я остался в пустом коридоре один. Лишь когда тяжёлая дверь, потревоженная Вероникой, гулко стукнув об порог, вернулась в покой, я будто отмер и тоже зашагал к

выходу. На душе было паршиво. Ещё и этот дурацкий дождь! Возвращаясь домой, я вновь промок. Дома была бабушка и мама. Услышав, что я вернулся, они вышли в коридор встречать меня.

— Ну что, Лёша, как день прошёл? Как тебе новая школа, успел уже с одноклассниками познакомиться? — мама, как всегда в своём репертуаре, накинулась на меня с расспросами.

— Слишком много вопросов, мам, давай не сейчас, — сухо пробормотал я, лишь бы от меня отвязались поскорей. Не то чтобы я был таким гадом, который не любил своих родителей, просто их заботы и контроля порой становиться слишком много. Это ужасно раздражает, чувствуешь себя не пятнадцатилетним парнем, а мелким двухлетним малышом, который только-только научился ходить и говорить. Устал. Поскорее сняв вымокшую куртку, я поспешил уйти к себе в комнату. Бабушка пыталась пробраться ко мне и поговорить «Как взрослые серьёзные люди», но я закрыл свою дверь на ключ.

Я лёг на свою кровать и прикрыл глаза. В голове кавардак. За стенкой были слышна тихая ругань мамы и бабушки. Что они там выясняют? Кажется, бабушка в очередной раз говорит, что мама плохо меня воспитывает, и её пренебрежительное отношение приведёт меня к плохой компании. Ну, ничего нового. Хорошо, что отец на работе. Вот он бы не стал тихо рассуждать о мерах воспитания, он бы просто вынес дверь, а заодно и мой мозг своими трёхчасовыми нравоучительными речами. Но не будем об этом. Были у меня мысли поважнее семейных распрей. Школа — это всегда так волнительно, а первый день и вовсе запоминается надолго. Из головы никак не шла эта история о Веронике и Яне. Что-то здесь было не так. Я склонен был верить словам старших, поэтому ни в коем случае не считал Нику убийцей. Но меня сбивал с толку рассказ Толика. Не похоже было, что он придумал всё это. Тогда я вообще ничего не понимаю. То, с какой яростью в глазах добродушный Толик рассказывал про Никто, наталкивало на мысли, что Веронике за эти два года пришлось много чего пережить. Представь, ты для людей Никто, безымянная вещь, живой призрак. Тебя считают убийцей, и от этого никуда не скрыться, не убежать. Страшно.

Уйдя в свои мысли, я и не заметил, как заснул, а проснулся только под утро следующего дня. Дома у нас было небольшое правило: никто из членов семьи не разговаривал со мной по утрам. Утром я, обычно, всегда злой и, чтобы не наговорить родителям глупостей, мы договорились о молчании. Но сегодня был, похоже, вообще не мой день, потому что, когда я зашёл на кухню, чтобы позавтракать, я увидел — всё семейство ожидало меня с очень важным видом. Папа за столом читал газету, мама сутилась у плиты, а бабушка сидела в кресле и, с укором поглядывая на невестку, строила грандиозные планы по захвату человечества. Мысленно послав всё к чертям, я поплёлся наливать себе чай.

— Лёшенька, нам нужно поговорить, — тихонько и очень ласково проговорила мама. Я ничего ей не ответил, продолжая готовить завтрак.

— Сядь! — папин крик, наверное, даже мёртвого из могилы поднимет. Он у меня бывший военный, а сейчас майор полиции. Противиться бесполезно, поэтому я взял кружку и сел за стол. — Алексей, это вчера была за выходка?

— Ты о чём? — невинно протянул я.

«Я святой, я святой, посмотрите, у меня же нимб над головой светится ярче, чем лампочка в люстре».

Самовнушение, говорят, помогает. Проверим.

— О чём я?! О том, что ты не захотел отвечать на вопросы своей мамы и бабушки! О том, что закрылся в своей комнате и не выходил до самого утра! Ты считаешь это

нормальным?

— Я не вижу в этом ничего криминального, папа, я вчера очень устал, поэтому просто захотел отдохнуть в тишине и заснул.

— Ты молча закрылся в своей комнате! Ты ушёл, никому ничего не сказав! Разве так поступают мужчины? Твоё счастье, что я ночью был на дежурстве и ничего этого не знал, а не то бы живо эту дверь вынес!

— Пап, ну что ты начинаешь?!

— Я ещё не начинал!

— Благодарю за хорошее начало дня, — я встал из-за стола, вышел в коридор, схватил свою сумку и вылетел из квартиры. В подъезде было заметно холоднее. Из-за закрытой двери я слышал яростный крик отца и успокаивающий его голос мамы. Мне было плевать, кричит он там, или нет. Тогда я был очень раздражён обвинениями отца. Хотя, за пятнадцать лет, я уже должен был привыкнуть к его постоянным придиркам.

Сегодня не было дождя, но земля, листья под ногами, да и сам воздух — всё это было пропитано сыростью. У меня ужасно озябли руки, поэтому я убрал их в карманы и ускорил шаг. У школы я встретил Толика, он стоял у забора и курил перед уроками.

— Что-то ты рано сегодня, Лёха, — он бросил окурочок в урну и поёжился. Замёрз. Мы поняли друг друга без лишних слов и скорее забежали в здание.

Вместе мы поднялись на второй этаж и вошли в кабинет русского языка. В классе творилось что-то странное. Ребята шумели и кричали, стоя кольцом. Растолкав немного толпу, я увидел, что на полу разбросаны тетради, учебники и школьные принадлежности, а на коленях сидит Ника, пытаюсь собрать свои вещи. Рядом стояла ещё одна девица и нагло насмехалась над ней. Мне удачно подвернулся Артём.

— Тёмка, а что тут происходит? — спросил я его.

— Не обращай внимания, — спокойно ответил он и поправил очки, — это Ермакова так забавляется. Никто случайно уронила её учебник со стола, а Наташа такие вещи не прощает.

Я взглянул на девочек. Вероника с самым жалким видом ползала по полу на коленях, собирая учебники, а Наташа, словно надзиратель, манерно выхаживала рядом с ней, купаясь в лучах славы своих одноклассников.

— Давай, давай, гадина, собирай своё барахло поживее, — процедила она и эффектно поправила блондинистую прядь волос. Вероника молча продолжала складывать учебники на парту. Когда Ника закончила, Наташа подошла к столу и, будто случайно, скинула все книги обратно на пол.

— Какая же ты криворукая, опять всё уронила, — усмехнулась Ермакова, — тебя дядя, наверное, в клетке дома держит, чтобы ты ничего не сломала, или случайно кого-нибудь не убила.

— Перестань, — прошептала Ника, крепко прижимая к груди учебник русского языка. Из её глаз текли слёзы, полные стыда, обиды и ненависти.

— Ты ещё что-то смеешь говорить? — Наташа прям-таки опешила.

Блондинка подошла к Веронике и, со злостью вцепившись в её волосы, ударила девчонку головой о доску. Ника закричала, а одноклассники оживились, радостно завыв. Я не мог больше смотреть на это и побежал разнимать дерущихся девчонок. Они повалили меня на пол, но я потянул их за собой, и мы упали втроём. Даже лёжа на полу, Наташа не оставляла попыток ударить Нику посильнее, она пыталась приподняться и бить её ногами. Я как мог прикрывал Веронику собой и отталкивал Наташу, пробовал схватить её и заломить ей руки за спину, но она оказалась девчонкой ловкой и изворотливой, схватить её не получалось.

— Ната, тебе помощь не нужна? — забеспокоился Валерка, когда увидел, что я вышел не помогать Наташе, а спасать Веронику. Парень был готов ринуться в бой в любую секунду. Я глянул на одноклассников. Господи, это же настоящие звери! Одно слово Ермаковой — и каждый из них готов был убить. Это было настоящее безумие.

— Никому не лезть, я сама, — зло отмахнулась Наташа и ударила Веронику в грудь. Я уличил момент и кое-как поймал Ермакову. — Что ты делаешь, идиот?! Пусти меня!

За всем шумом звонок мы, конечно-же, не услышали. Одноклассники мигом разлетелись по кабинету на свои места, когда к нам зашла учительница, на середине класса

остались лишь я, брыкающаяся в моих руках Наташка и Ника, которая лежала на полу и не шевелилась.

— Что здесь происходит? — строго спросила Галина Александровна. Услышав этот голос, Наташа успокоилась, и драка прекратилась. Я помог Веронике подняться, а сам не отпускал обезумевшую блондинку ни на шаг от себя.

— Я ещё раз вас спрашиваю, — учительница подошла ко мне настолько близко, что я слышал её тяжёлое, пышущее жаром, дыхание. Она была зла. — Что происходит? Отвечайте!

— Галина Александровна, — Наташа сладко запела, вмиг превратившись в примерную девочку, — это всё Берг виновата! Она кинула на пол мои учебники, потом ещё и за волосы таскать меня начала, а Лёша решил спасти меня от этой бешеной! Я уже давно говорю, что этой психопатке не место в нашей школе!

— Ребята, так всё и было? — спросила учительница. Класс, словно марионетки, все как один, согласно закивали головами. Наташа вся светилась, окрылённая победой. Вероника молчала, не осмелившись даже поднять глаз на преподавателя.

— Всё не так было! — громко воскликнул я. Весь класс встрепенулся, все смотрели только на меня. Вспышка неведомой смелости вмиг улетучилась, мой язык словно занемел, а связки неприятно стянуло, не давая мне произнести ни звука. Я посмотрел на Веронику. Изрядно потрёпанная девчонка стояла, прислонившись к доске, и тратила все свои силы на то, чтобы не упасть. Хрупкое тело чуть вздрагивало от подавляемых ею слёз, но вот лицо, хоть и было распалённым от драки, не выражало ни боли, ни страха. Полное спокойствие и безразличие. Я был поражён этим, а потому взял себя в руки и заговорил: — Вероника уронила нечаянно учебник Наташи, а она все её вещи из сумки вытрясла, и это Наташа драку начала!

— Не слушайте его, — вскрикнула Ермакова, взяв меня под руку, как своего парня, — это Лёша шутит, он, когда падал, головой ударился.

— Хватит! — закричала учительницы и хлопнула журналом по столу. Меня аж передёрнуло от неожиданности, а Наташа хитренько подмигнула мне. — Надоели оба. Меня не волнуют ваши отношения. Сядьте уже, наконец, на свои места. Вероника, об этом инциденте я вынуждена сообщить Петру Андреевичу. Если ты не исправишь своё поведение, его ожидает выговор.

Вероника молча кивнула и села на место. Начался урок, но мы с Толей опять ничего не писали.

— А ты, похоже, Наташке приглянулся, раз она тебя защищать стала, — тихонько проговорил он и засмеялся.

— Мне всё равно. И почему вы все согласились с ней? Сами же видели, что это она драку начала, — я был очень возмущён, поэтому последние слова прозвучали достаточно громко, благо, учительница ничего не заметила.

— Да потому что ты дурак без мозгов, лезешь в самое пекло! Никто получает своё наказание, Никто получает по заслугам!

Продолжать разговор было бессмысленно. Я был поражён, насколько мои одноклассники могут быть жестокими и безжалостными. Неужели, и я такой? Урывками я слушал объяснения учительницы, но с каждой минутой всё больше растворялся в собственных мыслях. Я был расстроен, что не смог выручить Нику. Русский закончился, весь класс толпой вышел из кабинета. Теперь я понял: Вероника всегда специально медленно собирается, чтобы не идти в потоке одноклассников. И вновь мы остались с ней вдвоём в

пустом кабинете. Я молча встал рядом.

— Ты преследуешь меня? — раздражённо спросила она, закидывая рюкзак на плечо. На её левой руке распласталась длинная царапина, оставленная Наташей.

— Я думал, ты мне хоть "спасибо" скажешь, я ведь заступился за тебя.

— А я тебя об этом не просила.

Мы вышли в коридор. Мы шли вместе. Хотя, нет, не так. Я шёл с ней рядом, а она будто гуляла где-то в параллельной вселенной, не замечая ничего вокруг.

— За что они так с тобой, Ника?

— Мои одноклассники любят детские шалости. Это ведь так весело — убивать. Им это доставляет неподдельное удовольствие. Но я на них не сержусь, я привыкла. Каждый получает то, что заслуживает, правда, я не знаю, чем заслужила всё это.

Она словно растворилась в толпе, я её потерял. Она удивляла меня: её только что растоптали, уничтожили, а ей хоть бы что, ходит, улыбается. Если бы кто-то сделал подобное со мной, этого человека уже не было в живых. Похоже, ещё остались на земле по-настоящему добрые ко всем люди. Хотя, была ли Ника на самом деле доброй девочкой, я не знал, но на тот момент я считал её маленьким беззащитным существом, которому была необходима помощь и поддержка.

— Парни интересуются, с чего это ты за Никто заступаться начал? — пробормотал Гордеев, старательно вычерчивая пресловутый конус в тетради. Мы сидели на черчении. — Я кое-как их успокоил, сказал, что ты просто не знал про историю с Яной. На первый раз тебя простили, но больше тебе такую выходку с рук не спустят. Или ты всерьёз решил её защищать?

— А если и так, тебе-то что с этого? — прошептал я в ответ и взглянул на свою законченную работу. Прекрасный конус получился, я всегда хорошо чертил. Я перевёл взгляд на чертёж соседа. Мда-а, архитектором ему точно не быть. Потихоньку, чтобы учительница не заметила, мы с Толиком поменялись тетрадями, и я принялся исправлять его ошибки.

— Лёха, она — убийца! — Толик не оставлял попытки направить меня на «путь истинный» всеми возможными способами. — Ты что, хочешь оказаться на месте Яны? Или вы с ней вообще за одно?!

— Не носи бред! Вы бы лучше подумали, что будет, когда она не выдержит ваших издевательств и реально кого-нибудь убьёт.

Прозвенел звонок. Я и Толик получили пятёрки за чертежи. Следующим уроком была физика. Толян куда-то благополучно смылся от меня, поэтому до кабинета я шёл один. Я поднимался по лестнице на второй этаж, когда меня догнала Наташа.

— Эй, Лёша, подожди! — крикнула она. Мне пришлось остановиться. Она подошла ко мне ближе и кокетливо улыбнулась. — Слушай, может, после уроков пойдём домой вместе? Прогуляемся, поболтаем. Я просто подумала, у такого милого парня как ты, найдётся немного времени для меня — скромной, умной и, к тому же, красивой девушки.

— У любого другого милого парня, я уверен, время найдётся, а у меня — нет, извини.

Оставляя ошеломлённую моим отказом Наташу одну на лестнице, я пошёл дальше. Все мои одноклассники стояли рядом с кабинетом, разбившись на небольшие группы. Парни столпились почти у самой двери, Серёга рассказывал им какой-то очередной прикол, а они взахлёб смеялись. У стены напротив стояли Диана и Маша, они обсуждали одежду и внешность всех, кто проходил мимо них. Вскоре, к двум сплетницам присоединилась их третья подруга — Наташа. Посреди коридора собрались три девчонки, они были последние, с кем я ещё не познакомился. Делать было всё равно нечего, поэтому я решил подойти к ним.

— Привет, — я был само дружелюбие и обаяние сегодня, — как поживаете?

— О, к нам пришёл Алексей, давно тебя ждём, — ответила одна из них и скромно улыбнулась. Первое, что привлекало в её внешности — вишнёвые волосы. По сравнению со светлой кожей, разбавленной лишь румянцем на щеках, её волосы просто горели ярким пожаром цвета. — Ещё вчера хотели с тобой познакомиться. Я Юля Куликова.

Юля была совсем не похожа на своих одноклассниц. Диана, к примеру, могла всю перемену простоять перед зеркалом, крася ресницы, губы и накладывая неизвестно какой по счёту слой пудры на и без того светлое личико. А вот Юля была далека от всего этого, у неё была чистая красота. Наташа сегодня меня буквально пожирала глазами, а Юля, кротко улыбнувшись, казалась мне самой очаровательной девочкой.

Оттесняя на второй план Юлю, ближе ко мне подошла вторая подруга. Её я узнал сразу, это была Катя Зинчук.

— Слава единорогам! — озорная кареглазая девчонка крикнула это и крепко-крепко обняла меня. Я был ошеломлён, но оттолкнуть её никак не мог, да и не хотел.

— Рад знакомству, — смущённо краснея, пролепетал я. Катя отпустила меня и засмеялась, обещая рассказать, где в нашей школе можно встретить магию. Вот и нашёлся мечтатель в этом классе.

— Прекрати смущать парня, — проговорила третья девушка, сложив руки на груди. Под её тёмным взглядом мне стало немного не по себе, — меня Саша Сомова зовут.

Вчера Толик не успел мне рассказать о ней. Я вспомнил, что она сидит с Игорем и заметил, что они в чём-то похожи. Сомова была строга в каждом своём движении и слове. Очень скрытная и неразговорчивая девушка. Удивительным было то, как она менялась в окружении подруг. Пропадали её холодность и скупость на чувства. Мы мило побеседовали, а после девочки, извиняясь передо мной, сказали, что у них возникло важное дело и пошли к Серёге. Они о чём-то заговорили. Я тоже хотел присоединиться к их компании, но мне на глаза опять попалась Вероника. Она одиноко стояла, подпирая стенку, и отрешённо глядела в конец коридора.

— Опять одна? — спросил я, чтобы как-то завязать разговор. Ника молчала. Мимо пронеслись пятиклассники. Я вздохнул. — Неужели мы так же в детстве бегали?

— Чем старше ты становишься, тем сильнее забываешь, что значит радоваться и быть счастливым. Скоро нас ожидает вот это.

Вероника кивнула в сторону девятого класса. Парни сидели на полу и писали домашнюю, кажется, по трём предметам сразу. С девочками происходило и вовсе что-то странное. Одна стояла и колотила учебником по алгебре парня, убеждая его, что он неправильно решил прогрессию. Вторая, окружённая своими подругами, взяв рывок рыдала оттого, что набрала мало баллов по последней контрольной работе. Третья ходила туда-сюда с книжкой в руках и пыталась наизусть рассказать «Письмо Онегина». Четвёртая заткнув уши наушниками, прислонившись лицом к стене, пыталась уснуть. Пятая достала из сумки упаковку успокоительного и проглотила сразу три таблетки.

— Какой ужас, — ошарашенно выдал я, — хочешь сказать, с нами будет так же?

— С нами будет ещё хуже. А сейчас уходи, мы находимся вместе подозрительно долго.

— Нет, — я положил руки ей на плечи и развернул её к себе лицом, — я никуда не уйду.

— Убери руки, пожалуйста. Со мной запрещено общаться.

— Я хочу подружиться с тобой!

Но Вероника будто не слышала меня, она смотрела куда-то в сторону, и вид у неё был встревоженный. Вдруг она сбивчиво проговорила.

— Лёша, ударь меня.

— Чего? — я опешил. Она схватила мою руку, с силой ударила ей по своему лицу и упала на пол. Я кинулся её поднять, но услышал свист и возгласы радости за моей спиной.

— Лёха, молодец! — ободряюще крикнул Серёга и похлопал меня по плечу. — Так ей и надо! Я уж начал в тебе сомневаться, Егоров, но теперь вижу, что ты наш человек. На первом уроке Наташка хорошую трёпку устроила, сейчас вот ты. Что, Никто, чёрный день календаря? Правильно, сиди и молчи, тварь!

Я не понимал, что произошло. Одноклассники смотрели на меня с таким воодушевлением, будто бы я выиграл войну. Мне казалось, ещё немного, и они просто поднимут меня на руки и торжественно понесут, хвастаясь всей школе, какой я герой. А Вероника, пользуясь всеобщим замешательством, поднялась с пола, поправила платье и

каким-то образом прошмыгнула в кабинет физики, куда через несколько минут со звоном зашли и все остальные.

Сегодня была лабораторная работа — сборка электрических цепей. Одноклассники уже во всю соединяли провода и прочие элементы, а я как дурак сидел и пялился в окно, пытаюсь осознать, что со мной происходит. К моему счастью, Толик в электричестве разбирался намного лучше, чем в черчении, поэтому он быстрее всех справился с заданием.

— Лёх, ты чего такой загруженный?

— Я только что ударил девчонку, — досада и стыд буквально душили меня. Давно уже мне не было так паршиво.

— Хватит ныть, парни, наконец-то, тебя по-настоящему зауважали.

«Зауважали парни». Кому нужно такое уважение, когда все думают, что если ты ударил беззащитную девчонку, то ты крут? Это ужасно низко и гадко. Мне хотелось узнать, зачем Ника так поступила. Почему позволила себя унижить в очередной раз?

Весь день я пытался выловить Веронику на переменах, чтобы поговорить, но она убегала от меня, не желая ничего объяснять. Мои слова на неё не действовали. Тогда я решил подождать её после уроков и пойти с ней домой. Из школы она вышла поздно и пошла не к главным воротам, а на задний двор. Я отправился следом за ней. Оказалось, там есть ещё один выход. Я прибавил шагу и сумел догнать её. Мы вошли в парк.

— Может, ты, наконец, расскажешь мне, что это за выходка была?

— Я тебя спасала. Если бы я этого не сделала, у тебя бы были большие неприятности, — Вероника шла и, словно маленький ребёнок, пинала ногами листья. И вот этот вот ребёнок как-то меня спас. Уму не постижимо! — Я увидела, что на нас обратил внимание Серёжа и его компания. Они шли к тебе с разборками, вот я и сделала вид, будто ты меня ударил. Разговаривать со мной нельзя, но бить-то меня можно.

— Тебе же больно было! Уж лучше бы они меня избили, ты и так от них настрадалась!

— Дурак ты ещё, Алексей. Я бы врагу не пожелала своей участи. Класс тебя явно хорошо принял, так что наслаждайся счастливой школьной жизнью вместе со всеми остальными, а ко мне впредь больше, пожалуйста, не приближайся.

Она опять убежала от меня. Я не стал её останавливать или пытаться догнать, я пошёл своей дорогой, но твёрдо решил, что так просто всё не оставлю.

Дни круговоротом сменяли друг друга. Казалось, что школа затягивает меня в свою тёмную пучину, а плавать я вовсе не умею, да ещё вдобавок кто-то крепко связал меня и повесил камень на шею. К концу каждой недели я опускался на самое дно, где давила такая толща воды, что моё мёртвое тело продолжало страдать. Эти странные мысли частенько всплывали в моей голове, заставляя меня лишь с грустью смотреть на кучу д/з и приступать к его выполнению.

Отрадно было лишь то, что я смог найти себе товарищей по несчастью. Толик Гордеев стал моим лучшим другом, а класс я считал второй семьёй. Ребята они все были неплохие вовсе, добрые, весёлые и отзывчивые, но каждый раз мне было не по себе наблюдать, с какой поразительной быстротой они превращаются в изощрённых маньяков, видя где-то неподалёку Веронику. Одноклассники продолжали каждый день придумывать новые "шалости" с её участием, а я ничего не делал, оставаясь лишь наблюдателем и, фактически, соучастником новых «казней». Бездействие было невыносимо.

Наступили выходные. В тот субботний день я решился на довольно рискованный шаг — я пригласил Толика в гости. Шаг был рискован тем, что огромная опасность столкновения двух разных слоёв общества, прямо нависала надо мной. Странные взгляды на жизнь, принадлежавшие моим родителям, я совершенно не разделял. Новость о том, что в нашем доме сегодня появится парень из неблагополучной семьи, совсем не обрадовала отца. Но папа — это только цветочки, он являлся лишь вершиной огромного айсберга под названием бабуля. Бабушка была женщиной старой формации и каких-то диких буржуазных идеалов. Только мама понимала меня, однако на её поддержку сегодня можно было не рассчитывать, ещё рано утром она уехала на работу. Мне предстояло одному отстаивать своих друзей.

К назначенному часу в доме раздался звонок, это пришёл Толик. Пока шёл открывать, я успел десять раз подумать, что это была плохая затея, звать Гордею сюда. Но делать было нечего, поэтому я принял насколько возможно радушный вид и открыл дверь. Предо мной предстал Толя, находившийся в своём бессменном образе. Его старенькая куртка была нараспашку, с лица каплями стекала вода; тяжело дыша, он стоял и держался рукой за дверной косяк. Жестом я позвал его зайти.

— Ты чего такой запаханный? — поинтересовался я, помогая другу раздеться.

— Лёха, странный ты человек! — возмутился он, стирая воду со лба. Его щёки и нос горели, будто он только что пробежал кросс. Дрожащими руками он пытался развязать шнурки, попутно рассказывая о своих злоключениях. — Кто мне вчера все уши прожужжал о том, чтобы я не опаздывал? А я в ваших элитных краях редко бываю, заблудился немного, да ещё и под дождь попал! Кстати, на вот, держи, — Толя протянул мне небольшой пакетик, в котором оказались ещё горячие пирожки.

— Это что?

— Бомба! Ну, не тупи, в гости без угощения не ходят, вот я и подсуетился.

— Очень предусмотрительно, молодой человек, — голос моей бабушки раздался прямо у меня за спиной. Толя не растерялся, положив руку себе на сердце, он почтительно поклонился и представился. Бабушка кивнула и пригласила нас пройти на кухню.

Немного успокоился. Я, как оказалось, недооценивал Тольку, считал его обычным хулиганом и прогульщиком, а он вон какие номера выкидывает. Но расслабляться было рано,

бабуля тоже не так проста, как может показаться. Мы сели, бабушка налила чай и поставила на стол вишнёвый пирог. Пока Толик беззаботно разглядывал своё отражение в чае, я мысленно прокручивал весь сценарий спектакля, который сейчас начнётся. Вначале бабушка будет изображать божий одуванчик, который несёт только радость в этот мир. Потом начнёт расспрашивать Толика о его семье и о материальном достатке, давая ему понять, какая между нами пропасть. После этого она начнёт задавать ему провокационные вопросы об учёбе, интересах и планах на будущее. Если это не подействует, то из своего кабинета выйдет папа и, высказав всё, что он думает о современной молодёжи, окончательно эмоционально раздавит моего друга. Я не терял надежду на то, что Толик выдержит всё, и после чая мы спокойно уйдём ко мне в комнату. Почему нельзя сразу уйти? Потому что традиции важнее всего. Сдохни на этой чёртовой кухне, но чай с гостем выпей. А тем временем бабушка закончила сверлить взглядом Гордеева и начала свои расспросы.

— Скажите, Анатолий, дорого ли вам обошлись те пирожки, что вы предварительно купили в ближайшем ларьке?

— Ну, что вы, Елена Владимировна, — как можно более уважительно протянул Толя, положив себе на тарелку довольно большой кусок пирога, — эти пирожки испекла моя младшая сестра Тася. Попробуйте, это очень вкусно.

— Анатолий, вы сказали, что у вас есть сестра, то есть вас двое в семье, или же у вас есть ещё дети?

— Да, у меня есть ещё младшая сестра и брат, нас пять человек в семье, мы все дружно живём.

— Дружно... А мама и папа, чем они занимаются?

Я сидел, как на пороховой бочке, которая вот-вот должна была взорваться. Бабушка всё с большим презрением смотрела на Толю, но он, по-моему, вообще ничего не замечал.

— Бабушка, может, хватит вопросами забрасывать? — я попытался влезть и поскорее закончить этот разговор. — Не ты ли учила, что за столом следует молчать?

— Мы ведём с Толиком светскую беседу, и не перебивай, пожалуйста, — в тоне бабушки чувствовалось раздражение.

— Всё в порядке, — поспешил успокоить нас Толик, — да, у нас не самая обеспеченная семья. Моя мама работает уборщицей в детском саду, папа от нас ушёл, а я по ночам могилки на кладбище рою.

Услышав про кладбище, я поперхнулся чаем и закашлялся. Бабушка сильно переменилась в лице, а Толик, положив в рот очередной кусочек пирога, продолжил.

— Работёнка та ещё, но деньги лишними не бывают. Мы на жизнь не жалуемся, меня лично всё устраивает.

— Очень похвально, что в нашем мире ещё остались люди, которые рады довольствоваться тем, что есть. Каждому своё, кому-то нужно управлять огромными компаниями, получать премии и звания, а кому-то на кладбище могилы копать.

— Толя, вставай, мы уходим ко мне в комнату! — резко проговорил я и встал из-за стола. Толик с некой грустью посмотрел на пирог, но, всё же, повиновался мне.

— Куда вы? — изобразив удивление, спросила бабушка. — Вы же ещё не доели!

— Спасибо, лично я сыт по горло! — мой крик звучал уже из коридора. Войдя в свою комнату, я громко хлопнул дверью. Обречённо добрёл до своей кровати и плюхнулся навстречу мягким объятиям одеяла.

— Ну, как, я хорошо отыграл спектакль? — шутливо поинтересовался Толик и присел

на стул.

— Ага. Ты извини меня за бабушку, она не хотела тебя обидеть. И что значит «отыграл»?

— А ты думаешь, чего я такой добренький был? Елена Владимировна, бла-бла-бла. Знаю, что не ровня вашей семье, но я попробовал хоть немного приблизиться к вашему уровню.

— Бедность не порок, — проговорил я, пытаюсь приободрить Толика, — книга есть такая, прочитай на досуге.

Гордеев кивнул, взял со стола какую-то тетрадь и с подозрительной ухмылкой начал её листать. Поразительно, но среди кучи хлама, он умудрился отыскать очень важную для меня вещь. На днях у меня появилось новое хобби — я пытался сочинять стихи. И, ладно бы, я писал, например, реп про то, какая ужасная у нас жизнь, и что мир засорили геи, как это делал один мой друг из старой школы. Или же, как в прошлые века Пушкин, или Есенин, писали про природу. Вариантов было великое множество, но все они были неверными. Я писал про Нику.

Можете начинать хихикать и крутить пальцем у виска. Но мне очень нужно было хоть немного стать ближе к ней. Я переставал понимать себя, и от этого становилось как-то тревожно. Своей скрытностью Ника просто не оставляла шансов. Девочка, сама того не желая, с каждым днём заставляла меня думать о ней чаще. Когда человек с тобой не общается, начинаешь писать ему письма, которые никогда не решаешься отправить. Но я продолжал ей писать, размышляя о том, какая тайна кроется в её тихой задумчивости, надеясь когда-нибудь достучаться до сердца.

— Лёха, вот скажи мне, ты больной? — Толик, между тем, ни на шутку разгорячился и начал трясти тетрадью перед моим лицом. — Какого чёрта ты тут исписал почти пол тетради про Никто?!

— Вообще-то, у неё имя есть, — я попытался оправдаться, но мои слова не были услышаны. Глупо ехать на велосипеде против самосвала.

— Даже не начинай! Я тебе уже миллион раз говорил не общаться с ней, но если тебе плевать на свою жизнь, то пожалуйста!

— Ну, Гордость, успокойся, я просто с ней общаюсь вне школы. От этого никому плохо не будет. При всём желании она не сможет выкинуть меня из окна, тебе не о чем беспокоиться.

Моя попытка пошутить была воспринята Гордеевым довольно холодно, он только жалко покачал головой и надулся ещё больше. Я вздохнул, сел подле него на пол и продолжил уже серьёзно.

— Я хочу тебя попросить, не говори никому, что я дружу с ней.

— Идиот несчастный, — процедил он. На его языке это означало согласие.

Мне будто сделалось легче. Настроение заметно улучшилось, я уже стал отвыкать от этого чувства. Мы посидели с Толькой ещё где-то час, играя в игры на компе, а потом он засобиравшись домой, сославшись на покойничков, которые уже заждались его на кладбище. Проводив его до двери, мне стало опять грустно. До понедельника я остаюсь один в этом сумасшедшем доме.

Какая-то необъяснимая радость охватила меня. Воздух был чист и свеж. Из-за ночного заморозка на улице довольно похолодало, хотя ленивое солнце уже почти взобралось на синеющее небо. После выходных я шёл в школу, как на праздник. Нет, честно, я был очень рад, наконец, сбежать хоть куда-нибудь. До уроков ещё пол часа, а я уже появился на школьном дворе.

В школу заходить не хотелось, поэтому я решил прогуляться перед уроками и дойти до школьного стадиона. Асфальтированная круговая площадка с зелёным газоном в центре, ржавые футбольные ворота с продырявленной сеткой, турники, да бетонный помост, где обычно сидят зрители — вот и всё, что там было. Поле огорожено забором, а сразу же за ним сплошной стеной стоят серые трёхэтажки. Мне кажется, жителям этих домов очень везёт. Однажды я заметил, что один пожилой мужичок каждое утро выходит на балкон, садится на стульчик и, попивая чай, наблюдает за нашими тренировками на физ-ре. По вечерам таких зрителей становится больше. Уставшие люди, придя с работы, выходят на балконы и до самой темноты смотрят, как внизу гоняют мяч старшеклассники, готовясь к соревнованиям. Вот и сегодня, на балконе уже сидел знакомый мне дедок, он читал газету, мерно покачиваясь в кресле-качалке.

Найти пятерых взрослых парней на пустом стадионе было довольно простой задачей. Все они сидели у турников, и я направился к ним. Валера и Дима висели на перекладинах и спорили, кто из них больше подтянется. Спортсмены, что с них взять? Серёга и Игорь сидели на больших вкопанных в землю колёсах от КамАЗа и разговаривали, а Толик списывал у Артёма домашку по алгебре. Сам Тёма сидел на высоком заборе и следил за каждым, кто входил на территорию школы. Парни были рады меня видеть, Димка был рад настолько, что чуть не грохнулся с турника, но успел зацепиться ногами за перекладину и повис вниз головой. Впрочем, ничего удивительного.

— Почему тут сидите? — поинтересовался я и присел на свободное колесо. — Обычно, вы все ещё дома в это время.

— А мы сейчас концерт давать будет, — пояснил Серёга и крикнул заскучавшему на заборе Артёму: — ну, что там, Кузя?

— Шухер! Идёт, идёт! — радостно закричал в ответ рыжий и спрыгнул с забора.

Парни побросали свои дела, Валерка и Димка слезли с турников, второй как всегда эпично грохнулся на песок, но этого никто не заметил. Толик схватил меня за руку и сказал повторять за всеми. Я ничего не понял, но сопротивляться не стал. Мы вышли на газон поближе к школе, встали кружком и сели на колени. Серёга сложил руки на уровне груди, как это делают все молящиеся и вскинул голову вверх. Мы всё сделали так же, как он, и стали ждать. На стадион вошла девушка, я сразу узнал её, это была Ника. Она шла и постоянно озиралась. Заметив нас, она на пару секунд замерла, а после продолжила идти вперёд. До меня начинало понемногу доходить суть происходящего. Чтобы попасть в школу ей нужно было пройти мимо нас, а парни, судя по всему, приготовили для неё какую-то засаду. Так и было, как только Вероника подошла к нам довольно близко, парни запели песню на мотив «Happy birthday».

— Happy birthday, Яна,

Поздравляем любя!

Ты прости нас, что убила
Вероника тебя!

Берг под громкий смех и свист, бросилась бежать со стадиона. Парни мигом достали и карманов припасённые заранее маленькие камешки и стали бросать их Нике в спину. Когда Вероника скрылась за спасительной дверью школы, мои одноклассники решили, что нам тоже пора идти на уроки.

— А что это было? — спросил я, когда мы всей бандой зашагали по асфальтированной дорожке стадиона.

— Мы хор мстителей Яны, — в голос ответили Серёга и Толик, — каждый день рождения Яны мы поджигаем Никто и весь день поём ей эту песню. Круто придумано?

— Да, — протянул я и опустил голову. Настроение у меня сразу же испортилось. Пока мы пели, я успел взглянуть на Нику, она заплакала, увидев, что я с парнями, что я против неё. Опять подставился перед ней.

На протяжении всего дня Вероника слышала эту песенку, весь день её сегодня гоняли, и нигде не было ей покоя. На большой перемене, когда она решила сходить в столовую, где появляется очень редко, её ждала ещё одна засада, но уже от девичьей половины класса. Это было похоже на захват опасного преступника. Девчонки, не умеющие драться, такие как Юля и Маша, перекрыли этаж и смотрели, чтобы вдруг не появились учителя, которые могли испортить весь план. Зная, что Ника всегда выжидает какое-то время в кабинете и выходит самой последней, девочки воспользовались этим и подкараулили её прямо там. Катя, Диана и Саша схватили Веронику, и потащили её в женский туалет. Там их уже дожидалась Наташа, которая знала толк в драках, а потому и была предводителем всей операции.

Двери захлопнулись, Берг швырнули на мокрый пол туалета. Ника сразу же вскочила и попыталась убежать, но путь к выходу проходил через узкий коридорчик, который надёжно закрыли собой Диана и Саша, Катя отстранённо стояла у двери. Наташа возвышалась над всеми и сидела на высоченном подоконнике. Улыбаясь лисой, она спрыгнула на пол и медленно подошла к Веронике.

— Хорошая у нас вечеринка, правда? И повод такой замечательный, только чего-то ты, Никто, совсем невесёлая, — Наташа замолчала и хлестанула Нику по лицу, отчего та упала на колени. — Ну же, Никто, не будь совсем пропащей тварью, улыбнись, сегодня ведь день рождения твоей лучшей подруги.

Снова хлёсткий удар, но уже по другой щеке. Ника опустила голову, боясь глядеть на одноклассницу. Это Наташу разозлило.

— Не смей прятать свои паршивые глаза, — Саша, стоявшая за спиной у Ники, резко потянула её за волосы, насильно поднимая ей голову.

— Так то лучше, — довольно кивнула Наташа. — Сколько там до начала урока осталась?

— Десять минут, думаю, уложиться должны.

— Конечно должны, а Дианка ещё и накраситься успеет, — Ермакова посмеялась, привычным жестом поправила свои волосы и вновь вернулась к своей пленнице. — Итак, что же нам с тобой делать? Может, помыть твои патлы в унитазе? После этого они в сто раз чище будут, чем сейчас. Или раздеть догола, а одежду разбросать по всей школе? Нет, скучно всё это, да и не люблю я повторяться. Эх, придётся ограничиться обычным мордобоем. Катька, следи за дверью, чтобы никто не вошёл. Эй, а где она? Вот же дура, даже на стрёме постоять не может!

— Девочки, — в туалет неожиданно залетела Маша, — там Удадьцов носится по всем этажам, он Никто ищет. Похоже, его кто-то предупредил. Надо уходить, пока он вас тут не увидел.

— Это женский туалет, — напомнила Диана, — он не имеет права сюда входить.

— Он её дядя, так что он куда хочешь зайдёт, даже если дверь закроем, — здраво рассудила Наташа и очень расстроилась, что её план срывается. Наклонившись к Веронике, она крепко стиснула пальцы на её лице, — Не волнуйся, Никто, мы с тобой ещё обязательно повеселимся, надеюсь, ты не успеешь по нам заскучать.

Ерамакова и её подруги спешно покинули туалет, оставив Веронику лежать на полу. О том, что случилось, я узнал лишь на уроке, когда Берг, опоздав на десять минут, зашла в класс. Она молча выслушала целую триаду о своём неподобающем поведении и, пообещав, что такого больше не повторится, села за парту. Тут мне Толик и рассказал во всех красках о подвигах Наташи. Я был в ужасе от услышанного, страшно представить, что было бы с Никой, если бы девочкам не помешали. Мне оставалось молить бога, чтобы этот учебный день поскорее закончился.

После уроков я, скорее по привычке, чем по собственной воле, пошёл в школьный сад, где мы встречались с Никой. Она опаздывала. Я сел на лавочку и стал подбирать слова для извинений. Погодка совсем испортилась, по небу тянулся табун тёмных грузных туч. Дождь будет. Закопавшись в собственные мысли, я даже не заметил, как рядом со мной сел Игорь.

— Чего тебе?

— Да так, совершенно ничего, — пробормотал он и натянул свою поганую ухмылочку. — Кого ждёшь?

— Тебе какое дело? Девушку жду.

— Оу, наш красавчик и любимец всех девчонок Алекс завёл себе подружку? И как же её зовут, не Никто случайно?

— Я не понимаю, о чём ты говоришь.

— Да перестань! Ты можешь пудрить мозги Серёге, или дураку Гордееву, но только не мне. Я каждый день вижу, как вы вместе уходите из школы. Хочешь, я расскажу об этом Серёге, и ты сам сбежишь из школы через неделю? Я легко могу это устроить.

Я молчал. За школой раздался девичий визг. Я стал озираться по сторонам, но вокруг всё было спокойно, совершенно пустой двор. Крик повторился вновь. Игорь довольно развалился на лавке и блаженно прикрыл глаза.

— Что там происходит? — почему-то мне казалось, что он знал в чём дело. Игорь не спешил мне отвечать. Специально тянул время. Гад.

— Лучше тебе самому посмотреть, — выдержав долгую паузу, он многозначительно улыбнулся и направился к школьным воротам, — а я домой пойду. Не люблю я эти казни, они ужасно утомляют.

Меня осенило. Я пулей рванул на задний двор к стадиону. Шквальный ветер обрушивался на меня, начинался дождь. Пол минуты — и я на месте. Мои одноклассники спешно покидали на стадион, уходя через задний двор, а на асфальте лежала Вероника. Внутри всё сжалось от страха.

— Ника! — я подбежал к ней и рухнул на колени. На её белой коже алыми отметинами горели совсем свежие следы от ударов. От левого виска по щеке стекала кровь, которая никак не останавливалась. Я лихорадочно схватил её за руку, стал проверять пульс, но Ника, к счастью, открыла глаза. — Ника, ты как?

— Прекрасно, — выдавила она из себя, стирая с лица воду и кровь. Дождь хлестал как сумасшедший, Ника вся промокла, но продолжала лежать и плакать. Школьное платье было разорвано на груди, я увидел сине-фиолетовые синяки и шрамы, которые раньше скрывала одежда. Эти жуткие пятна были везде. Увидев их, я вдруг осознал и понял, наконец, что ребята не шутят: они и впрямь хотят уничтожить Веронику.

— Что произошло?

— Ничего.

Время замедлило для меня свой ход. Тяжёлые капли летели и с силой ударяли о землю, отскакивая и разбрызгиваясь во все стороны. Моя рубашка от влажности неприятно прилипла к спине, а с волос вода так и стекала ручьём, но в тот момент я ничего этого не замечал. Всё моё существо было обращено к Веронике, а она лежала на ледяном асфальте и не могла подняться от физической боли. Меня самого будто парализовало, я совершенно растерялся. «Что делать?! — моя голова будто разрывалась от этого вопроса. — Кричать, звать на помощь? Бежать за взрослыми? Но как же можно бросить её здесь? Что же мне делать, что?!». Мне было страшно. Я боялся дотронуться до неё, одно малейшее прикосновение, казалось мне, убьёт её.

— Ненавижу её день рождения, — вдруг тихо прошептала она осипшим от слёз голосом.

Сложно было представить и передать, что чувствовала эта маленькая девочка. Попытавшись описать это простыми словами вроде «Боль», «Ненависть», «Обида», я прослыл бы самым большим лгуном на земле, потому как слова эти были пустым звуком в сравнении с настоящими переживаниями, творившимися в душе Вероники. Она не звала на помощь, не кричала от боли, не проклинала ребят, но я чувствовал, какая борьба шла в её душе, почти кожей ощущал, как она страдает. И, нет, это была не та тупая боль от побоев. Синяки заживут и скроются, раны затянутся, а её мучители никуда не исчезнут. Они будут продолжать делать это. Будут убивать её каждый день, а я — трус опять не смогу ничего сделать.

— Пошли, — я, наконец, набрался смелости и заговорил с ней, протягивая ей свою руку, — я тебя до дома провожу.

— Отстань от меня! Уходи! — откуда у неё взялись силы на такой пронзительный крик, я не знал. Её глаза тогда были такими же серыми и бушующими, как небо над головой. Это была настоящая буря внутри одного тихого человека. — Зачем ты меня мучаешь?! Зачем даёшь надежду, что сможешь меня защитить?! Беги, как они всегда убегают! Беги же!

У неё была истерика. Дождь безжалостно колотил по нам, а Ника всё плакала, плакала, плакала... Понимая, что Вероника меня непременно оттолкнёт, я всё равно обнял её, крепко прижав к себе. Берг совсем не вырывалась и лишь обессиленно рыдала у меня на плече. «Сколько же в ней боли?» — думал я, тихонько проводя рукой по её мокрым волосам. Спустя какое-то время дождь поутих. Мы вымокли, кажется, до костей, но так и отпускали друг друга.

С того дня прошло две недели. Сегодня закончилась первая четверть, чему все без исключения были рады. Мы сидели в нашем кабинете и выставляли оценки. Я расстроился от того, что стал учиться хуже, чем в прошлом году. Четвёрка по химии портила мой «отличный» табель успеваемости. А вот Гордеев, в отличие от меня, был весьма доволен своей успеваемостью.

— Ещё одну четверть пережил, — хлопнув дневник, проговорил он. — Пока нет двоек за четверть, меня не могут выгнать из школы. А попытки уже были, но я им так просто не сдамся, я доучусь до девятого класса, сдам экзамены и только тогда свалю отсюда на радость всех учителей.

— Ты же неглупый парень, — услышав мои слова, Гордеев изобразил удивление. — Да-да, не спорь, ты намного умнее меня в каких-то областях. Не думал за учёбу взяться?

— Думал, но все эти домашки и зубрёжка конспектов совершенно не вписываются в мой плотный график. Мне за сёстрами и братиком следить надо, ещё и про моих обожаемых покойничков не забывай. Кто для них могилки выкопает, если не я? Так что я давно уже понял, что учёба — это не моя история. Мне семью содержать надо, я ведь мужчина.

Я усмехнулся, но улыбка моя очень быстро угасла. Мне стало грустно и обидно за Толю. Если бы у него была возможность, кто его знает, может, он учился бы ещё лучше меня. В такие минуты начинаешь задумываться о жизненной справедливости, а точнее, о её отсутствии.

Ребята собирались уже уходить, но нас всех остановила классная руководительница — Елена Васильевна.

— Ребятки, задержитесь ещё на несколько минут. У меня возникла идея. Давайте на этих выходных, пока погода ещё совсем не испортилась, съездим за город на шашлыки. Мы с вами так редко выбираемся на природу все вместе. Ну, что скажете?

— Хорошая мысль, Елена Васильевна, — ответил за всех Серёжа, — можно съездить в школьный лагерь, там сейчас никого нет, так что, думаю, нас с радостью примут там.

— Замечательно, в таком случае, я договорюсь со школьным автобусом и позвоню в лагерь, чтобы для нас приготовили домики. Осталось посчитать сколько человек поедет, и кто что возьмёт в дорогу. Поднимите руки те, кто точно поедет.

Вместе с моей вверх поднялись ещё двенадцать рук. Я огляделся, Вероника была единственной, кто руку не поднял.

— Ника, разве ты не хочешь поехать со всем классом на природу? — поинтересовалась Елена Васильевна. — Ты, кстати, ни на одном классном мероприятии не была, всё дома сидишь.

— Так складываются обстоятельства, — ответила Вероника и развела руками, — я не могу поехать, мне нужно быть дома.

— Может, всё же передумаешь? Ребята были бы очень рады, если бы ты поехала. Да ведь?

— Разумеется, Елена Васильевна, — процедила Диана, фальшиво улыбаясь, — давай. Берг, не ломайся, поехали с нами. Я тебе обещаю, будет очень весело.

— Я подумаю над этим, а сейчас, извините, но мне нужно идти, — Вероника направилась к двери, — до свидания.

— Я позвоню тебе вечером, Вероника, — сообщила Елена Васильевна и сама направилась к выходу, — ребята, мне нужно позвонить, а вы пока посидите здесь, распределите вещи и еду между собой. Сергей, я рассчитываю на тебя.

Как только учительница географии вышла в коридор, Шувалов созвал всех к своей парте и достал блокнот для записей.

— Значит так, — начал он, — мясо для шашлыков готовлю я. Мангал, шампура и котелок берут Валерка с Димасом. Фрукты и овощи на Кузе. Хлеб и вода на Алексее.

— Слушая, Серый, — как-то тихонько и загадочно заговорил Толик, — а тётю Зину брать будем?

— Тётю Зину? — Шувалов хитро заулыбался и задумался. — А сможешь на всех достать?

— Да без вопросов, — авторитетно заявил Гордеев, — у меня и для девчонок найдётся кое-что, и для парней этого добра навалом.

Я стоял и совершенно не понимал, о чём говорят эти двое. Нужно потом наедине спросить у Толика, что же это за «Тётя Зина».

— Ладно, — продолжил староста, — Толик возьмёт тётю Зину, а тебе, Игорь, придётся сыграть в Раскольникову и притащить топор. Только, умоляю, без убийств бабушек.

Те, кто разбирались в литературе, посмеялись над шуткой Серёжи, остальные же с умным видом уставились в окно.

— Теперь осталось разобраться с девочками. На вас будет развлекательная программа и готовка с уборкой. Из еды, если хотите, сами возьмите что-нибудь. Сашка, с тебя гитара. Ну и вещей тёплых, разумеется, возьмите. Ничего не забыл?

— Снотворного для Василисы возьмите, — предложил Дима, — а то она в девять вечера всех спать отправит.

— И то верно, — согласился Серый, чиркнув ещё одну запись в блокнот, — я подумаю над этим. Кстати, Орлик, что это за выходка была? Зачем Никто с нами звала?

— Ты что, поверил мне что-ли? — Диана рассмеялась. — Я же это ляпнула, чтобы Елена Васильевна ничего не заподозрила. Не переживай, Никто ещё не совсем дурочка, она с нами не поедет.

— А мне кажется, наоборот, было бы хорошо, если б она поехала, — вступила в разговор Маша, — ох, Наташка бы повеселилась от души.

— Уже строите планы на выходные? — в кабинет вернулась Елена Васильевна. — Я уверена, это будет незабываемая поездка. Автобус нам дали, так что встречаемся завтра у школы в десять утра. Вы распределили, кто что берёт?

После пятиминутного отчёта о продуктах и вещах, Елена Васильевна нас отпустила. Девчонки пошли домой собирать сумки, а мы с парнями отправились на рынок за продуктами. Предводителем был как всегда Серёга. Мы здорово провели время и купили всё необходимое.

Дома пришлось сильно постараться и проявить всё своё красноречие, чтобы родители разрешили мне поехать. Меня спас мой табель успеваемости, в награду за хорошую учёбу, меня отпустили. Вот она — сила знаний. В дорогу рюкзак я собрал быстро и лёг пораньше, чтобы выспаться, но сон никак не шёл ко мне. Я думал. Угадайте, о ком? Конечно же о Нике. Я очень хотел провести с ней эти выходные на природе, но если она поедет, Ермакова точно ночью её подушкой задушит. Да и Веронике, наверняка, самой не в радость лишний раз видеть своих мучителей. Неужели в этом классе нет ни одного человека, которому было бы

её хоть немного жаль? Не может быть так, чтобы все они были настолько жестокими.

Сон навалился на меня неожиданно, но меня это даже обрадовало. Мои мрачные мысли скрылись, утром я проснулся в хорошем настроении. Быстро позавтракав, я оделся, взял рюкзак и вышел из дома. День обещал быть довольно тёплым и солнечным, что было большой редкостью в наших краях. Всё-таки здорово, что Елена Васильевна организовала эту поездку в такое время. Нужно ловить момент.

Я вошёл на школьный двор, где уже собрались мои одноклассники. Ребята вели оживлённую беседу, а вот Елена Васильевна выглядела довольно нервной.

— Так, вот и Егоров пришёл, — сказала она, взглянув на часы. — Время уже без пяти десять, а этого разгильдяя до сих пор нет!

— Если вы обо мне, Елена Васильевна, то я вообще-то самый первый пришёл, — с своим существованием напомнил Толик. У него был довольно большой рюкзак, который еле застегнулся. Интересно, что же он туда положил?

— Анатолий, мне всегда нравилась твоя честность, но ждём мы совсем не тебя.

На территорию школы въехал желтый автобус. Двери распахнулись, и из салона выглянул Пётр Андреевич, которого я увидеть никак не ожидал, впрочем, как и мои одноклассники.

— Петя, неужели было так сложно сказать, что ты на автобусе сюда приедешь? — тихо начала отчитывать своего коллегу Елена Васильевна. Класс, став невольным свидетелем, посмеялся.

— Ну, что встали, как истуканы? Заходите живее в автобус! — командовал Пётр Андреевич. Первыми залезли в салон Наташа, Диана и Маша, но они отчего-то застыли в проходе, не давая идти остальным. Я забеспокоился.

— Вы чего там встали? — возмутился Толик и попытался заглянуть в автобусное окно, но ничего там не увидел.

— Весёлая поездка будет, ребятки, — отозвалась Диана, — очень весёлая.

Я не понимал, что происходит, поэтому хотел поскорее зайти в автобус. Мы с Толиком залезли последними и обомлели. На первом сидении с самым невинным видом сидела Вероника и теребила лямки своего рюкзака. Я хотел сесть вместе с ней, чтобы спросить, почему она решила всё-таки с нами поехать, но упрямый Гордеев схватил меня за рукав куртки и потащил в конец автобуса, где расположились все парни. Елена Васильевна встала в проходе и пересчитала нас.

— Я подумала, что одна с вами на природе не справлюсь, поэтому и попросила Петра Андреевича поехать с нами. Я верю, что эти выходные останутся в памяти каждого из вас. Все готовы? Тогда, поехали.

Автобус тронулся и выехал со школьного двора. В салоне заиграло радио водителя, которого почти не было слышно из-за наших разговоров. Шувалов решил каждого из нас проверить, не забыли ли мы продукты. Когда очередь дошла до рюкзака Гордеева, опять появилась эта странная загадочная интонация в разговоре.

— Тебя дома не спалили? — поинтересовался Серёга.

— Мать в ночную смену на работе была, а мелкие уже спали в то время, когда я пришёл домой.

— Объясните мне, наконец, — я не выдержал, — что именно взял с собой Толик? Я уже всю голову себе сломал.

Парни засмеялись, а Гордеев, озираясь по сторонам, опустил рюкзак на пол и

растянул его. Там, помимо вещей Толика, лежали бутылки минералки и колы. Я ничего не понимал.

— Вы серьёзно? К чему такая конспирация, если здесь просто минералка и кола? Тётю Зину какую-то придумали.

— Ты что, Лёха, в лагеря вообще никогда не ездил? — Серый и все остальные парни с огромным удивлением посмотрели на меня. — По приезду в лагерь все рюкзаки учителя досматривают и проверяют, не взяли ли мы что-то запрещённое.

— Что может быть запрещённого в обычных бутылках с водой?

— А кто тебе сказал, что они обычные?

Я замолчал. В голове творился несусветный хаос. Что, чёрт возьми, в этих бутылках?!

— Я начинаю сомневаться в твоих умственных способностях, — ядовито протянул Игорь, — а ещё отличник называется!

— Водичка там сорокаградусная, — выпалил Толик, — а ещё сок виноградный для девчонок! Понял теперь?! Если и сейчас не поймёшь, я тебя в окошко выкину, клянусь!

— Придурки, — я рассмеялся и закрыл от греха подальше Толякин рюкзак, — нельзя было сразу сказать, что вы алкашку везёте?

— Мы тебе уже чуть ли не прямым текстом сказали про это! — возмущению Толика не было предела. — Тормоз!

— Зато, если бы мы сейчас были на войне, и нас в плен взяли немцы, — голос подал Артём, — то Алёша бы никого не выдал. Он бы вообще ничего не понял, что с ним приключилось.

Парни загоготали, а я отвернулся к окну. Мы уже давно выехали за город и ехали по трассе. По обеим сторонам от дороги расстилался густой лес, которому не было видно конца. Матушка Сибирь радушно принимала нас в свои владения. Я решил немного подремать в дороге, но разве же уснёшь в этом балагане! А потом я услышал звуки гитары. Оказалось, Саша неплохо играла, поэтому всю оставшуюся дорогу до лагеря мы громко распевали Белые розы, Птицу счастья и Детство.

— Ребята, мы подъезжаем, — сообщила Елена Васильевна. Ребята прильнули к окнам и увидели огромные красные ворота, перед которыми мы остановились. — Пожалуйста, не оставляйте свои вещи в салоне и никуда не разбегайтесь, когда выйдем из автобуса.

Ворота открылись и мы въехали на территорию лагеря. Мне не терпелось поскорее осмотреть базу и заселиться в комнату. Выйдя из автобуса я увидел здание лагеря, которое было построено буквой «П» и имело два корпуса. Нас вышел встречать сторож, он о чём-то наскоро переговорил с учителями и отдал Елене Васильевне связку ключей, а сам удалился в сторожку.

— Сейчас я объясню план наших действий, поэтому советую слушать меня внимательно, — Елена Васильевна вышла и встала перед нами. — Вы будете жить в левом корпусе, а мы с Петром Андреевичем поселимся в правом. Комнаты рассчитаны на четырёх человек, поэтому определитесь сразу кто с кем будет жить. Разумеется, мальчики живут с мальчиками, а девочки с девочками. На распределение даю вам две минуты. Когда решите, подходите своей группой ко мне, я с Петром Андреевичем досмотрю ваши сумки и выдам ключи от комнаты. После заселения через двадцать минут встречаемся в общем холле для получения дальнейших указаний.

— Лёха, ты со мной? — спросил меня Толик. Я, не раздумывая, согласился. — Серый, а ты?

— Не против, — староста подошёл к нам. — Игорь, айда к нам!

— Я уже с Димкой и Валерокой договорился, — ответил Игорь, а я мысленно лишь порадовался, что не буду жить с этим упырём. Без определённого места жительства оставался Артём, однако он очень быстро примкнул к компании Игоря.

Пока мы совещались, Елена Васильевна уже начала досматривать сумки девочек. Как я и предполагал, святая троица Маша, Диана и Наташа не расстались и в этот раз. Веронику, похоже, скрипя сердцем приняли в комнату Катя, Юля и Саша. Я немного успокоился, потому что эти девочки не такие агрессивные, как Ермакова или Орлик. Хотя, мне кажется, Наташу не остановит даже железная дверь, если она захочет навредить Нике. Девчонки вместе с Еленой Владимировной отправились в корпус заселяться, а с нами досматривать сумки остался Пётр Андреевич. Когда пришла наша очередь, я заметил, как занервничал Толик. Он на глазах то бледнел, то наоборот впадал в краску. Я бы тоже переживал, если бы у меня в рюкзаке была целая батарея алкоголя, а меня сейчас вот вот будет проверять учитель.

— Гордеев, с тобой всё нормально? — спросил Удальцов, проверяя мой рюкзак. — У тебя какой-то нездоровый вид.

— Его в автобусе укачало, — на ходу сочинил Серёга и приобнял друга за плечо, — ему бы прилечь поскорее. Пётр Андреевич, может, вы его без досмотра отпустите?

— Правила одни для всех. Если уж ему так плохо, я могу дать вам ключи от комнаты, и вы отведёте его, а я здесь сумки проверю и вам их принесу.

— Да нет, всё нормально, — Гордеев попытался взять себя в руки и глубоко выдохнул, протягивая рюкзак учителю, — проверяйте.

— Как скажешь, — Пётр Андреевич приступил к досмотру. — У Егорова в сумки было пять бутылок воды, а у тебя, Толя, вообще семь. Вы что, верблюды, молодые люди?

— Растущий организм, знаете ли, требует большого количества воды, — на выручку пришёл умный Артём. Я стоял и от страха, что нас сейчас раскроют, боялся лишний раз сделать какое-либо движение, чего уж говорить о Толике, который был и вовсе в полуобморочном состоянии. Спокойным оставался один Серый.

— Что ж, — вздохнул математик и взял бутылку «минералки», — вы не возражаете, если попью?

— Нет! — закричал Толик и тут же осёкся. — Вода выдыхается быстро, потом противная становится, что пить невозможно.

— Да ладно тебе, Гордеев, я немножко, — Пётр Андреевич открыл бутылку и сделал один глоток, после чего его лицо очень резко изменилось и он выплюнул воду. Я понял, что нам крышка. Математик зло швырнул бутылку на землю. — Чертёныш! Ну я тебе сейчас устрою! Радуйтесь, что автобус уже ушёл, иначе бы ехали уже домой всей компанией! Всю эту дрянь я изымаю и отдам лично твоей матери, Гордеев, пусть ей стыдно будет, какого она сына вырастил! А сейчас взяли ключи и пошли вон с глаз моих, чтоб я вас не видел!

Математик с грозным видом удалился в своё крыло, унеся с собой весь алкоголь. Мы остались стоять на крыльце, не зная, что теперь делать и как нам быть. Я посмотрел на Гордеева. На нём лица не было. Мне захотелось как-то приободрить его и утешить, да вот только подходящие слова разом вылетели из моей головы.

— Пойдёмте, — строго сказал Шувалов и зашёл в здание. Мы все последовали за ним.

Пройдя по тёмному коридору, мы свернули в наше крыло. Из комнат девчат доносился лучистый смех, от которого меня затошнило. Всё раздражало. А с другой стороны, я не

понимал, почему так расстроился. Ведь на самом деле, я был совсем не в восторге от затей парней с этой выпивкой. Сам я пить точно не собирался, однако за друзей было обидно. Они так старались, готовились, переживали, а всё пошло прахом. Между тем, Серёга остановился у нашей комнаты и открыл дверь. Толик зашёл и сразу же плюхнулся на кровать ничком. Мы с Серёгой разделись и мало-мальски разобрали вещи. В комнату без стука проскользнул Игорь. Вот только его здесь не хватало.

— И что делать теперь будем? — спросил он и сел на свободную кровать. Меня раздражало его присутствие, поэтому я старался не смотреть на него и заниматься своими делами.

— Будем вести здоровый образ жизни, — Серёга вынул контейнер с мясом и поставил его в холодильник, — без алкоголя тоже можно весело время провести.

— Эх, жаль, все так на вас рассчитывали. А ведь я говорил тебе, что алкашку надо между всеми распределить. Так точно бы что-то удалось пронести. Ничего тебе, Толик, доверить нельзя!

— Каплан, скройся отсюда! — похоже, и у сурового Серёги начали сдавать нервы. Игорь как мышь выскочил за дверь. — Советчиков — пруд пруди, а когда что-то сделать нужно, никого не дождёшься! Гордеев, живой ещё?

— Живой, — ответил в подушку Толик. Я мысленно усмехнулся: «Неужели эта беззаботная махина может так расстраиваться из-за ерунды?».

— Подымайся давай, задохнёшься ведь.

Неохотно Гордеев поднялся и сел на кровать. Я увидел его красные глаза и опухший нос. Мою голову посетила страшная мысль, которую я боялся озвучить вслух. Между тем Толик заговорил сам, голос его был хриплым и слабым.

— Я сам во всём виноват. Если бы смог скрыть свой страх, может, нас бы и не поймали. А так и вас подвёл, ещё и от матери дома влетит.

— Если забрали, значит так было нужно, — рассудил Серёга и присел на кровать к Толику. — Никого не слушай и вообще забудь про эти бутылки, будто их и не было. Нам пора в холл, а то, по звукам там, кажется, все уже собрались. Надеюсь, нас будет ждать не слишком жестокая казнь от Василисы, но, если что, мы с Лёхой тебя не бросим. Так ведь?

— Разумеется, — улыбнулся я и открыл дверь, — вперёд, мужчины, встретим смерть свою достойно.

В холле на больших диванах уже сидели мои одноклассники и Елена Васильевна. Удальцова не было, и это меня немного обрадовало. Классная руководительница была в хорошем расположении духа. Не похоже было, что ей сообщили, будто её ученики привезли на базу три литра водки и вина.

— Садитесь, мальчики, — спокойным голосом проговорила она, что меня окончательно успокоило. Похоже, Пётр Андреевич ещё не рассказал ей о случившемся. Мы сели со всеми и приготовились слушать. — Сейчас ещё только двенадцать часов, поэтому часа два можете спокойно отдыхать, или поиграть на улице. Только не уходите с территории. В два часа собираемся в столовой на обед, мы с девочками что-нибудь приготовим. После обеда до четырёх часов опять можете быть свободны, мальчики могут сходить в лес за дровами, чтобы вечером можно было у костра посидеть. Шашлыки пожарим в шесть часов, пока ещё совсем не стемнело. Жарить будем на берегу озера, так что дрова носите сразу туда. Отбой будет в десять вечера. Если увижу, что ночью кто-то шляется по корпусу — вызываю с утра автобус и едем домой. Всем всё понятно? Вот и замечательно, можете быть свободными.

Елена Васильевна не стала смущать нас своим присутствием и пошла к себе в комнату, а мы остались в холле.

— Ну что, у кого в комнате собираться будем? — рассматривая своё отражение в зеркале, спросила Диана. — Вы же не собираетесь в десять спать лечь?

— Тут два варианта, — начал рассуждать Серёга, — либо в нашу комнату, либо в Катькину, потому что остальные живут по четверо. Решайте сами.

— Эй, а меня спрашивать не нужно? — возмутилась Катя и надула губы. — Может, я не хочу, чтобы в нашей комнате весь класс синячил.

— А никто и не будет, тётю Зину всё равно забрали, — довольно сообщил Игорь и начал наслаждаться возмущённым воем одноклассников.

— Как так получилось, Серёжа? — было видно, что Маша очень расстроилась. — Я думала, ты проконтролируешь, чтобы вас не поймали. Нас же из-за вашей выходки могут всех сейчас домой отправить.

— Если бы они могли, уже давно бы отправили, — проворчал Шувалов. — Да и причём тут вы? Поймали нас, значит и наказывать тоже будут нас. Короче, не хочу об этом. Раз мы проштрафились, приглашаю всех в нашу комнату после отбоя. Поиграем во что-нибудь, анекдоты потравим, короче, придумаем что-нибудь.

Одноклассники восприняли новый план действий достаточно неплохо. Я думал, что на Толика в первую же минуту набросятся все и избыют его до полусмерти. Класс стал понемногу расходиться. Серёга, чтобы хоть как-то развеселить и отвлечь Толика повёл парней в спортзал поиграть в волейбол. Он и меня звал, но что-то мне совсем не хотелось играть. Маша с подружками убежала в комнату, Катя с Юлей тоже ушли к себе. В холле остались я и Вероника. Мы сидели молча и друг на друга почти не смотрели.

— Почему ты поехала с нами? — наконец, спросил я её.

— Когда Елена Васильевна уговорила дядю поехать, он не захотел оставлять меня дома одну.

— Одну? Ты разве с Петром Андреевичем живёшь? А где же твои родители?

— Они очень много работают, постоянно в командировках, я их почти не вижу, поэтому

и живу с дядей.

Я кивнул головой и задумался. Мне захотелось узнать о Веронике как можно больше. Станный интерес к её личности не давал мне покоя.

— Я думала, ты будешь рад меня видеть, — неожиданно проговорила она и улыбнулась.

— Я рад, правда рад. Как тебе живётся в комнате с девочками? — я очень спешно перевёл тему разговора в более нейтральное русло. После того случая в день рождения Яны, я боялся заговаривать с Вероникой о наших взаимоотношениях.

— Я думала, будет хуже, — честно призналась она, — хорошо, что они вообще согласились меня пустить к себе. Со мной они не разговаривают, но я к этому давно привыкла, так что всё в порядке.

— Вероника, — мы с Никой обернулись. В коридоре стоял Удальцов. Увидев его, у меня внутри что-то перевернулось и ухнуло куда-то в низ живота, — а где все? Елена Васильевна говорила, что будет собрание.

— Всё уже прошло, ты поздно пришёл, — объяснила Вероника и вздохнула. — До обеда все могут быть свободны.

— Вот как? Хорошо. Вероника, не могла бы ты оставить меня наедине с Алексеем, мне нужно с ним поговорить.

Вот тогда мне действительно стало страшно. Вероника поднялась с дивана и скрылась в тёмном коридоре нашего крыла. Когда стало совсем тихо, Пётр Андреевич заговорил.

— Я знаю, что ты с недавних пор начал общаться с Вероникой. И если раньше я был не против вашего общения, то сейчас я хочу попросить тебя прекратить вашу дружбу. Я надеюсь, ты понимаешь почему?

— Нет, Пётр Андреевич, я совершенно не понимаю, — просьба Удальцова повергла меня в шок. — Что я вам такого сделал? Если вы из-за этих бутылок с водкой, то простите, мы виноваты, но мой рюкзак был чист, можете ещё раз всё досмотреть.

— Ваша с Гордеевым выходка здесь совершенно не причём. Я беспокоюсь за Веронику. В этом году участились случаи драк в вашем классе и, мне кажется, что ты имеешь к этому прямое отношение.

— Да я её даже пальцем не тронул! Наоборот, я столько раз её защищал, неужели Вероника не рассказывала вам?!

— Рассказывала. А ещё она рассказывала, что после этих самых драк ты продолжал спокойно общаться с одноклассниками, будто ничего не произошло. Ты защищаешь её и в то же время дружишь с теми, кто её обижает. Знаешь, как это называется? Лицемерие.

— Но Веронике нужны друзья, как же вы не понимаете! Ей нужна поддержка, ведь с ней кроме меня никто больше не общается!

— Я погляжу, ты возомнил себя великодушным героем, который делает одолжение и дружит с Вероникой? Уж лучше она будет совсем одна, чем будет дружить с тобой!

— Почему вы решаете за неё?! — мне казалось, что ещё немного и я потеряю контроль. Я готов был с кулаками наброситься на преподавателя. — Если вы знаете, что Веронике здесь так плохо, то почему вы не переведёте её в другую школу, или вовсе не увезёте её отсюда?

— А это уже не твоего ума дело, — Удальцов встал, я подскочил с дивана следом за ним. — Я тебя предупредил, больше чтоб я тебя рядом с Вероникой не видел.

Он направился к выходу. Ярость и злость кипели во мне настолько, что аж в глазах всё потемнело. Я закричал.

— Да что вы можете?! Что будет, если я вас не послушаю?!

Удальцов не остановился, словно машина, он твёрдо и уверенно скрылся за дверью.

Мои руки тряслись, а внутри всё будто пылало. Взглядом я метался из стороны в сторону, ища на чём бы выместить свою злость. Вспомнив, что в комнате никого нет, я поспешил именно туда. Закрывшись, я подлетел к своей койке и сцапал в руки подушку. Я сжал её изо всех сил и лёг. Постепенно хватка моя ослабевала, зато перед глазами предательски начинало всё плыть.

— Вы не посмеете нас разлучить, — шёпотом произнёс я и закрыл лицо ладонями. Мне не хотелось ничего, разве что, только забыться. Свет в комнате становился всё тусклее, пока вовсе не исчез. Я не знаю, сколько пролежал в обнимку с подушкой, но когда вновь начал нормально воспринимать мир вокруг себя, увидел, что мои соседи по комнате уже вернулись. Они сидели за столом и перекидывались в карты. Толик первый заметил, что я очнулся.

— Серый, глянь, кажется, наша красавица спящая проснулась, — проговорил он. — Ну и напугал же ты нас, придурок! Уже неотложку вызывать хотели.

— Чего я такого делал? — я поднялся и сел на кровать. В ушах немного звенело, и голова была будто пустой. Рассказать историю решил Серый.

— Пришли мы в комнату и видим картину: лежишь ты, значит, калачиком, подушку обнимаешь. Решили, что ты просто спать лёг, а Толян с дуру решил тебе подушку под голову положить. Только начал у тебя её забирать, а ты как давай его мутузить ею, а потом вообще начал орать: «Не смейте, вы не сможете нас разлучить!». Я всё понимаю, мы — школьники — часто не досыпаем, но чтобы из-за подушки так истерить, это уже перебор.

— Извините, — только и сумел выговорить я, виновато улыбаясь, — я вообще ничего такого не помню.

— Не знаю, как ты, Серёга, а я после этого боюсь с ним в одной комнате ночевать. Он ведь и задушить может, а на утро ничего даже не вспомнит.

Мы втроём рассмеялись. Кажется, игра в волейбол пошла Толику на пользу, он вновь шутил и был полон энергии, которую не знал, куда девать.

— Парни, пошли во двор за девками через окно подсматривать?

— Зачем? — Серёга лениво разлёгся на кровати, давая понять, что идти никуда не собирается. — Ты у нас маньяк?

— Да просто посмотрим, чего они там делают, может, и послушать удастся, — Толик не сдавался и решил уговорить меня сходить с ним. — Лёха, ну хоть ты меня не бросай.

— Чего я там не видел? — подсматривать за кем-то мне совершенно не хотелось, тем более за девочками. Они, если увидят, и в лесу закопать могут.

— Вот именно, что ничего ты там не видел! Собирайся, кому говорю! — даже, когда Гордеев стащил меня за ногу с кровати, я не изменил своего решения. — Ах так? Ну хорошо, я вам это ещё припомню! Один всё посмотрю, а вам ничего не расскажу!

Хлопнув дверью, как истинная истеричка, Толик ушёл. Я не знал, как реагировать на сей форс и взглянул на Шувалова. Он был невозмутим.

— Серый, он же не пойдёт реально за девчонками подсматривать?

— Гордеев хоть и хулиган, но не до такой степени. Сейчас он минут пять будет слоняться по коридорам корпуса, желая всех здесь поубивать, потом на крыльцо сходит, покурит и успокоится. Вот увидишь, через десять минут Гордость заявит сюда в своём обычном настроении.

— Видимо, ты хорошо его знаешь, потому что мне он показался очень даже серьёзным.

— Запомни: Толик никогда не пойдёт на авантюру в одиночестве, потому что не будет свидетелей, которые смогли бы подтвердить подлинность его подвигов.

Слова Серёги меня успокоили, и я даже успел немного подремать, но сон был недолгим. Раздался девичий визг, который после смешался с непонятым шумом и грохотом. Мы подскочили и выбежали в коридор, где уже стояли с заполошенным видом все наши. Окинув присутствующих взглядом, я прикинул, что кричал кто-то в комнате Маши.

— Пошёл вон отсюда, придурок! — открылась дверь и в коридор сначала вылетел Гордеев, а вслед за ним, грозно размахивая полотенцем, выскочила Маша. Она, не обращая внимания на нас, накинулась на Толика.

— Эм, — потеряв дар речи, протянул Серёга, глядя на эту картину, — а что у вас здесь происходит?

Толик, услышав голос Шувалова, отпихнул от себя Машу и поднялся с пола. Зато Селяева совершенно не растерялась и, как подобает настоящей леди, с гордым и независимым видом, взяв за шкирку Толика, подошла к нам.

— Что происходит? А я скажу тебе, — я впервые видел Машу такой злой. — Этот ненормальный за нами подсматривать решил, да только тушка его безмозглая слишком тяжёлой оказалась, вот карниз на окне и не выдержал. Сергей, заberi это недоразумение от меня, чтоб я его рядом с нашей комнатой больше не видела.

Толя переключался в руки к Серёге. Было ясно, что бедному Гордееву не жить, вопрос был только в том, как именно староста его прикончит.

— Мне очень стыдно за поведение нашего друга. Анатолий сейчас извинится. Мы отойдём на минутку и вернёмся.

Шувалов резко схватил Гордеева и меня под руки и почти пинками затолкал нас в комнату. Я от греха подальше отошёл к окну, хотя прекрасно понимал, что Серёге сейчас совсем не до меня.

— Ты совсем страх потерял?! Я тебя предупреждал, чтобы ты к Машке даже подходить не смел?!

— Да не собирался я к твоей Селяевой, я же не самоубийца! В той комнате не только Машка живёт, но ещё и Наташка с Дианой, может, я за ними смотрел!

— Хватит сочинять! — в Гордеева полетела подушка, которая удивительно точно стукнула его по голове. Бедолага от неожиданности осел на пол и тупым взглядом уставился на Серёгу. За это короткое время Шувалов успел остыть и начал рассуждать рационально. — Иди извиняйся, воспитательную беседу продолжим потом.

Гордеев, получив сигнал к бегству, поскакал к двери и скрылся в коридоре. Вернулся он достаточно быстро, даже заскучать по его физиономии не успели. Отчитавшись перед Сергеем и окончательно очистив свою совесть, он чистосердечно упал на кровать.

— Вот правильно всё Татьяна Ивановна на истории говорила: «Все проблемы и войны в мире из-за женщин», — Толик вальяжно закинул ногу на ногу и положил руки под голову. — Меня из-за них чуть не убили сейчас!

— Если мозгов нет, то особой роли не играет кто ты, женщина или мужчина, — усмехнулся Серёжа, но Толя, похоже сути шутки не уловил. А зря.

— Девчонки ни чем не лучше парней, — если уж Гордеев начал философствовать, то этот процесс ничем не остановишь, — только вот их всегда порядочней нас считают. Несправедливо. Они косы свои заплетут, белые фартуки и форму наденут, улыбнутся, и всё

— глядишь, прям-таки ангел перед тобой стоит чистый и непорочный. А на самом-то деле под формой у них бельё кружевное чёрное, и мысли в их головках такие витают, что с непривычки в краску и дрожь бросает.

Я от монолога Гордеева аж похолодел.

— Тебе то откуда знать, что у них за мысли? Серый, мне кажется его в той комнате немного морально изнасиловали. Он поумнел, но сильно извратился. Чего ты, Толик, такого успел там увидеть?

— Э, нет, я уйду с этой тайной могилу, и даже не угрожайте, всё равно не скажу, — Толя мужественно пытался хранить молчание, но, похоже, переживания в нём настолько сильно разыгрались, что сдержать он их не смог и выпалил всё, как на духу. — Вот почему всегда так, а? Как я Диану по-дружески обнять захотел, так я маньяк сразу, а как она меня в школе посреди коридора раздевать начала, так она просто пошутила! И где справедливость?

— Начнём с того, что ты как всегда всё преувеличиваешь, — Серёже, как мне кажется, после школы следует пойти учиться в медицинский на психотерапевта, потому как опыт лечения юной и неокрепшей психики у него был просто феноменальный. Спасибо тебе, школа, за счастливое покалеченное детство. — Если ты про тот случай, который неделю назад был, так там ничего эротичного не было. Ты после физкультуры второпях рубашку криво застегнул, а Диана девочка аккуратная и просто не смогла спокойно смотреть на это безобразие.

— Смирись, Толян, на тебя никто не покушался даже, — заключил я.

Гордеев вздохнул и, как мне показалось, в его голове поселилась зерном какая-то очень умная и здравая мысль. Это было уже неплохо, нужно было только теперь не давать Толе думать слишком много. Всегда за собой замечал, что когда долго о чём-то размышляю, настроение становится паршивым. Грустный Гордеев нам был совсем не нужен, потому как такая махина с печальным настроением может натворить немало бед на наши невинные головы.

В дверь постучали. Мы с Толиком переглянулись, а Серёга взглянул на часы и пошёл открывать. На пороге в брезентовом плаще и с топором в руке стоял Игорь. Увидев его, я нервно сглотнул, а Шувалов расхохотался.

— Господи, что у нас за класс? Прям клуб анонимных маньяков! Одного девочки в коридоре раздевают, другой вообще с топором по корпусу шастает, третий, — Серёга взглянул на меня, пытаюсь припомнить, какая странность есть у меня, — у третьего тоже сейчас что-нибудь найдём. Я что, единственный нормальный человек в этом дурдоме?

— Ты хуже нас, — из коридора показалась рыжая макушка Артёма, — управлять психами может только истинный безумец. Пойдёмте, нужно в лес за дровами сходить.

Мы наскоро одели куртки и вышли на улицу. Наконец-то можно заняться делом.

— Стесняюсь спросить, Каплан, зачем ты плащ на себя нацепил? Дождя-то ведь нет.

— Мы идём в лес, там всегда сыро, а я могу заболеть.

Мы с Толиком тихонько прыснули от смеха. Никто ничего не заметил, а вот Гордеев решил даже проучить Игоря за испорченное утром настроение.

— Игорь, вот именно, что мы в лес идём, а не в тропические джунгли. Или ты у нас барышня сахарная и растаять боишься?

— И правда, давай, снимай это безобразие, — подхватил Серый.

Игорь остановился, снял с себя плащ, глумливо улыбнулся и отдал Артёму топор.

— Вот, держи, дорогу в лес найдёте сами, а я пойду на кухню к девочкам и побуду сахарной барышней.

С этими словами он грациозно развернулся и пошагал обратно в корпус. Мы вчетвером остались на месте и обалдело глядели ему вслед. Только, когда эта нахальная вихрастая голова скрылась за дверью, мы поняли, что нас очень умело кинули.

— Совсем у тебя Игорёк от рук отбился, — заметил Толик, на что Серёга ничего не ответил. — Как воспитывать будешь?

— Как обычно, сигареты давать не буду и акселератам скажу, чтобы ему не давали. Он мне ещё перед автобусом ныл, что у него своих только четыре штуки осталось, а, зная, как часто он курит, без сигарет Каплан протянет максимум до отбоя.

— Вам вот хорошо втроём, а мне с Игорем ещё в комнате жить, — удивительно, но в компаниях я всегда почему-то забывал про Артёма и вспоминал о нём, только когда он заговорит. Тяжела судьба ботаников. — Он когда курить хочет, такой злой становится, ну, сами знаете. Короче, может, вы его простите на первый раз?

— Пацифист ты несчастный, Кузя. Чего тебе Игоря бояться, у тебя в комнате два телохранителя живут!

— В том то и дело, что эти телохранители только друг друга и охраняют, а остальные люди их мало интересуют. Мне вообще иногда кажется, что Дима с Валерой — это один человек, который существует не с нами, а где-то в параллельной вселенной.

Мы не спеша шли по лесу, и под ногами то и дело шелестели старые листья. Пока все остальные собирали сухие ветки, Артём, как юный натуралист, активно изучал местность. Он с огромными глазами бегал от одного дерева к другому, подбирая с земли какие-то растения, распугал всех птиц и довёл до нервного срыва одну белку.

— Кузя, кончай ерундой заниматься, — Серёга спихнул ему свою охапку веток и забрал топор. — Вот, смотрите, какая лиственница хорошая, её на дрова и пустим. Лёха, ты дрова колоть умеешь?

Я замялся. С ранних лет я жил в городе и о деревенской жизни слышал только из мультика «Простоквашино». Сам в деревне я бывал только пару раз у маминых родных, но тогда мне было не больше десяти лет и таким вещам, как колоть дрова, меня, конечно, никто и не учил. Серёга моё замешательство в глазах прочитал быстро и усмехнулся.

— Эх ты, комнатное растение! Ладно, идите уже с Тёмой на поляну к озеру, там хворост бросьте, а мы с Толей здесь сами справимся.

Делать нечего, пришлось идти. Я был здесь впервые, поэтому роль проводника исполнял Артём. Мы шли молча, и по началу меня это сильно тяготило, но после я свыкся с

этим и представил, что иду один. Так стало намного легче. Идти оказалось не так уж и далеко, но не зная дороги, можно легко уйти с тропы и забрести глубоко в чащу. Лес постепенно редел и через просветы между деревьями мне уже виделось озеро с высокими крутыми берегами, на которых возвышались пара-тройка одиноких сосен.

— Вот и пришли, — проговорил Артём и направился к кострищу. — Здесь рядышком хворост бросай и пойдём обратно.

Я скинул свою охапку веток и размял затёкшие руки. Даже от такой незначительной нагрузки у меня заболели мышцы. Видимо, Серёга был прав, обозвав меня комнатным растением. Да, в последнее время я и впрямь себя запустил. Раньше по утрам папа заставлял меня отжиматься и гонял на пробежки, всё это я люто ненавидел, но чувствовал себя куда лучше, чем сейчас. Отцу теперь некогда следить за мной, а потому и тренировки мои очень скоро сошли на нет. Нужно как-нибудь попросить спортсменов позаниматься со мной, а то, если так будет продолжаться и дальше, в один прекрасный день я просто не встану с кровати и, покрывшись толстым слоем пыли, умру.

— Эй, Егоров, ты спишь что-ли? — до моего сознания донёсся обеспокоенный голос Артёма. Я поднял на него глаза.

— Извини, я что-то задумался о своём, — я рассеяно огляделся по сторонам. Мы шли по лесу, но я даже не заметил, как Кузьмин увёл меня с озера. Удивительные дела со мной происходят, когда я погружаюсь в собственные размышления. Нужно быть с этим поаккуратней. — Ты что-то хотел?

— Хотел спросить твоё разрешение на то, что если ситуация приобретёт опасный характер, я смогу переночевать в вашей комнате. Не хочется свалиться к вам, как снег на голову, поэтому я заранее забочусь о своей безопасности.

— Ты преувеличиваешь возможности Игоря. Максимум, что он сможет сделать, так это наорать и хлопнуть дверью.

— Я знаю, о чём говорю, — Артём совсем стал хмурым. — Я ведь не только списывать даю, но ещё и являюсь отличным «тренажёром» для анти-стрессовой гимнастики. В прошлом месяце Игорь мне очки разбил и меня самого отпинал, а ведь я всего лишь шёл по коридору и «вовремя» встретился ему на пути. Не хочу больше испытывать судьбу на прочность, лучше сразу убежать и спрятаться.

Голос его погас. Увидев шок на моём лице, Артём всё понял, быстренько натянул улыбку и оживлённо заговорил.

— Эй, ты не думай, я вовсе не жалею, просто ты всю дорогу молчал, а мне хотелось хоть как-то разбавить тишину.

Я ему не верил. Он пытался делать вид, что всё в порядке, но это было совсем не так. Теперь мне стало стыдно перед ним. Я вспомнил вдруг все моменты, когда в общих компаниях Артём оставался пустым местом, незамеченным, а чаще всего и уязвлённым. Его положение в классе было едва-ли лучше места Вероники. Его не избегали, но использовали, не травили, но тоже били, продолжая считать его частью класса. А это очень больно, когда тебя «свои» бьют.

До моего слуха донёсся хохот Гордеева, и я поднял глаза от земли. В наше отсутствие Толик с Серёгой успели наколоть целую кучу дров, и при этом оба выглядели бодрыми и весёлыми. Сразу видно, парни руками работать привыкли.

— Гордеев, ты проиграл, подставляй лоб! — завидев нас, радостно воскликнул Серёга и довольно захрустел пальцами. — Мы поспорили с ним, на то, сожрут вас медведи, или нет.

Толян был уверен, что сожрут.

Пока я сверлил Гордеева недовольным взглядом, Серый прописал ему шелбаны. Болезненно потирая лоб, Толик принялся накладывать охапку дров, чем и мы в скором времени занялись. За один раз мы, естественно, все дрова перенести не смогли, пришлось делать ещё один заход, так что дорогу до озера я теперь уже выучил наизусть и даже в темноте не заблужусь. Утомившиеся, но весёлые мы вернулись в лагерь. Встретила нас Елена Васильевна, которая, как оказалось, пока мы были в лесу, руководила кухней и вместе с девочками уже приготовила обед. Этой новости парни обрадовались, проголодались за работой мы страшно, так что упрашивать нас пойти в столовую было не нужно — мы полетели туда, как на крыльях. После обеда Серёга решил воплотить свои воспитательные методы в жизнь и позвал к нам в комнату акселератов.

— Парни, надо подработать Минздравом, — заявил он с официальным видом. Валерка с Димой синхронно переглянулись и кивнули. Серёга прочитал по их выражениям лиц, что они ни черта не поняли. — Каплан наказан, нужно, чтобы у него «закончились» сигареты. Сможете это устроить?

— Будет сделано, — два богатыря лучисто улыбнулись, выражая полную готовность к действию.

— И ещё, проследите, чтобы он Кузю в порыве гнева не трогал. На эти выходные у нас, вроде как, водяное перемирие. Даже если Никто с нами, значит никакого насилия над своими.

Спортсмены удалились, а мне опять сделалось скучно. Признаться честно, я думал, что здесь будет куда интересней, но на деле, большую часть свободного времени мы все провели в комнате. На этот счёт меня успокоил Серёга.

— Мы специально ведём себя тихо, чтобы у Василисы не возникло нареканий по нашему поведению. Она видит: «Ой, какие детишки чудные, не проказничают, можно не волноваться, пойду спать». А если мы веселуху посреди дня устроим, она потом всю ночь по корпусу с фонарём в руках ходить будет, как страж.

Делать нечего, придётся как-то пережить остаток дня и дождаться вечера. Серый отправил меня проверить, кто из наших чем занят, а заодно понаблюдать за Игорем. Каждый занимался тем, на что хватило фантазии. Девчонки собрались в комнате Маши и устроили там посиделки. «Болтовня, ради болтовни» — так называл их занятие Шувалов. У спортсменов, очевидно, наступил спад их энергетического потенциала, поэтому они уснули. Артёмка не изменял себе и читал учебник по биологии. Игоря в комнате не было, поэтому решил пройтись по территории. С задней стороны корпуса доносились чьи-то голоса. Подойдя ближе и спрятавшись за углом, я увидел Игоря и Сашу. Оба стояли и курили, как два паровоза. Вот так новость!

— Гордеев и Егоров нынче в почёте у Шувалова, — ворчал Игорь, выдыхая клубы сигаретного дыма. — Ну и ну, какие птицы важные — трепло и раздолбай! А на меня, на правую руку старосты, плюют и ни во что не ставят!

— Забей на них, нужен будешь, они сами к тебе прибегут, — рассудила Саша и сделала очередную затяжку. — Меня в классе вообще все бесят, но я же не впадаю от этого в депрессию. Нужно уметь делать вид, что тебя всё устраивает, иначе не выживешь. Глядишь, может, и найдёшь парочку единомышленников.

— Пресмыкаться? Не-ет, не бывать этому, я им ещё покажу, чего стою!

Остаться на месте, было опасно, я поспешил вернуться в комнату. От подслушанного

разговора у меня голова шла кругом, мне не терпелось всё рассказать Серёге.

— Есть две новости, и обе они не очень хорошие, — начал я, — первое: Игорь продолжает курить, и наши воспитательные меры на него не действуют.

— Чего? Да где он сигареты берёт?! — Толик зло стукнул кулаком по столу.

— Я сейчас видел, как он стоял за углом и курил вместе с Сомовой. А вот и вторая новость: они там что-то нехорошее замышляют. Игорь мечтает доказать всем свою значимость.

— Про Сашку мы и забыли совсем, она недавно курить начала, её Игорь, гадёныш научил.

— Трёп за сигареткой перед девчонкой — это ещё ничего не значит, — наконец подал голос Серёга. — У Игоря язык работает быстрее, чем мозг, а инстинкты самосохранения он вообще, по-моему, отключил. Чёрт с ним, пусть паясничает дальше! Надоел.

Реакция Серого меня удивила. Он сначала был так решительно настроен проучить и поставить на место Игоря, а теперь пускает всё на самотёк. Я его не понимал, но лезть к нему в голову не решился. От дурных размышлений меня отвлекла суeta приготовлений к пикнику.

Мы с парнями носились туда-сюда от лагеря на поляну и обратно, готовя место отдыха. Серёга занимался шашлыком, а потому настоятельно рекомендовал не лезть к нему по пустякам. Мы притащили несколько больших брёвен, чтобы можно было посидеть у костра. Вскоре на поляну пришли девочки и принесли еду. Пока Елена Васильевна и Удальцов накрывали на стол, мы с Толиком разожгли костёр и уселись на брёвнах отдохнуть. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, оставляя за собой светлую полосу, которая растворялась в сумерках, медленно сходявших на землю. В воздухе витали ароматы жареного мяса и костра, которые кружили мою шальную голову. Девочки закончили приготовления и тоже сели к костру. Стало веселей. Мы все с нетерпением ждали Серёгу с его коронным блюдом. Наконец, Шувалов снял с огня мясо и подал его нам. Мне показалось, что я в раю. Я никогда ничего вкуснее в жизни своей не пробовал! Не удивительно, что через полчаса от Серёгина кулинарного шедевра остались лишь пустые тарелки и сытые люди. За разговорами мы и не заметили, как наступил вечер, и совсем стемнело. Девочки предусмотрительно прихватили из дома тёплые пледы и теперь раздавали их всем. Укутавшись с Гордеевым одним одеялом, стало совсем уютно и хорошо. Атмосфера была сказочная. Ночное озеро, лес, с его таинственным очарованием — всё это было будто из другого, совсем не известного нам мира. Даже воздух казался не таким, как всегда. В костре чуть трещали полешки, и яркие искорки весело взмывали ввысь. Звуки гитары и наших юных голосов разносились по ветру. На лицах моих одноклассников сияли улыбки такие светлые, словно звёзды над головой. Душевно всё было, по-настоящему.

Но, как это обычно бывает, всё хорошее очень быстро заканчивается. Вот и в этот раз бдительная Елена Васильевна даже на празднике не забыла о времени и ровно в 21:30 свернула наши посиделки, дав нам полчаса на уборку. Ребята, предвкушая продолжение этого вечера, на удивление оперативно и слаженно сработали, классная руководительница и глазом моргнуть не успела, как её ученики убрались с поляны и разошлись по своим комнатам. Ровно в десять был отбой. Мы с парнями освобождали место в комнате, передвинув кровати и стол, а в это время остальные одноклассники изображали спящих. Елена Васильевна обошла все комнаты и, не обнаружив никаких нарушений, отправилась в своё крыло спать. Потихоньку в нашу комнату стал стекаться народ. Адреналин, прям как

утром на досмотре, ударил мне в голову, но я старался не подавать виду. Чтобы не заснуть, мы решили расположить всех на полу, но всё же позаботились о комфорте и сняли одеяла и подушки. Сели кругом, как на озере, только вместо костра у нас был Серёгин фонарь. Я окинул взглядом ребят. Справа от меня сидел Гордеев, за ним Катька, Шувалов, рядом с ним Маша. Дальше по кругу шли Дима и Валера, за ними Наташа с Дианой, следующими расположились Каплан, Сомова и Кузьмин. Замыкала круг и сидела слева от меня Юлька Куликова. Не хватало только одного человека.

— Юля, — тихонько, пока никто не слышит прошептал я, — а где Берг?

— Она к дяде ушла, потом, наверное, спать пойдёт, — так же тихо ответила Юля.

— Итак, ребяташки, — Шувалов взял в руки фонарь и направил свет снизу на лицо.

Жуткое зрелище, — чем займёмся?

— Историй хотим страшных! — Катя сделала страшную гримасу и рассмеялась.

— Да ну вас с вашими страшилками, — фыркнула Наташа, — в детском саду что-ли? Я всего этого наслушаюсь, а потом не усну!

— Сегодня никто не уснёт, — напомнил Толик и азартно потёр ладони. — Знаю я одну историю, она как раз здесь и случилась в этом лагере.

Ребята закатили глаза и простонали. Я догадался, что Гордеев рассказывает эту историю не в первый раз, но ведь я её не слышал. Толик не успел и слова сказать, как его прервал меланхоличный голос Игоря.

— А вот если бы у нас была выпивка, то проблемы, чем заняться, у нас не было. Как печально, что ни на кого здесь нельзя положиться.

— Каплан, ты опять за своё? — возмутился я. Мне уже конкретно надоел этот тип. — Если такой умный, то чего вчера не предложил свою помощь? Была бы тебе сейчас и слава, и почёт, и всё, чего ты тут пытаешься добиться.

— Бегать за славой — это твоё хобби, не равняй меня с собой. Толику дали пустяковое задание, а он так испугался, что всех сдал. Это ещё посмотреть надо, кто из нас барышня сахарная, да, Гордеев?

Мои кулаки сжались сами собой. Счастье Игоря, что он сидел далеко и я не успел дотянуться до него, чтобы хорошенько врезать. Наш спор прервал неожиданный стук в дверь. Все замолчали, немая паника повисла в воздухе. «Только не это, только не облава» — пролетело у меня в голове. На удивление всех, ситуацию в свои руки взяла Маша. Она умело загнала девчонок под кровати, Игорь и Артёмка спрятались под столом, спортсмены сиганули в форточку, а сама Селяева закрылась в шкафу. Всё произошло так быстро, что я ничего не успел сообразить.

— Иди, открывай, — залезая в постель, приказал Серёга.

Сердце моё забилося нещадно. Я приоткрыл дверь и не поверил своим глазам. Ожидал я увидеть там кого угодно, но только не её.

— Ника? Ты чего здесь делаешь?

Она поднесла указательный палец к губам, прося не шуметь. В другой руке у неё был пакет, который она протянула мне. Я с опаской взял его и заглянул внутрь.

— Но как?! Откуда это всё?

Вероника пожала плечами и улыбнулась. Я вернулся в комнату, оставив Берг в коридоре.

— Ребят, выходите, это не учителя, — я, не теряя времени, поставил на стол содержимое пакета. — Смотрите, что у нас есть!

Из-под кровати показались любопытные девичьи головы, Серёга и Толик привстали с постели. На столе стояли знакомые Гордеевские бутылки из-под минералки и колы. Ошалелые глаза были у всех, никто и слова сказать не мог от удивления.

— Кто это принёс? — осмелился спросить Серый.

— Это была Ника, — я по-прежнему не верил в реальность происходящего.

Ребята вылезли из своих укрытий и сели опять на пол, лишь я остался стоять у двери.

— Что с этим добром делать? — Наташа с большим недоверием поглядывала на бутылки.

— Идиотские вопросы задаёшь, — Толик подполз к столу и сцапал свою «минералку», — мы будем пить, не зря же нам их принесли!

— С чего вдруг Никто стала такой добренькой? — подозрения закрались и в Дианину душу. — Насколько мне известно, Удальцов забрал весь алкоголь к себе в комнату, то-есть, получается, она стащила всё это у своего дяди. Подвергать себя такой опасности ради нас? Нет, здесь явно какой-то подвох!

— Согласен, выглядит всё очень странно, — пробормотал Серёга и потрепал волосы, — но я не вижу повода, чтобы отказываться от выпивки. Насильно заставлять никого не будем. Не хотите — не пейте.

Ребята немного поворчали, подумали каждый про себя, но взяли стаканы. Гордеев вмиг оживился и стал разливать девочкам вино. Парни со своей «минералкой» вполне разобрались сами. Один я стоял в стороне, пока меня не заметил Серёга. Я ответил на его немой вопрос.

— Может, позовём её к нам? Она ведь сделала это ради вас, неужели она не заслуживает хоть одного спокойного вечера?

— Заслуживает, — откликнулась Маша и сделала очередной глоток, после чего блаженно улыбнулась, смакуя вино, — поэтому пусть идёт к себе в комнату, там ей уж точно спокойно будет. Зачем она нам здесь?

— Права Машка, мы не продажные люди, — Игорь был в своём репертуаре и так же сильно меня раздражал. — Если она принесла нам нашу выпивку, это не значит, что мы должны ей всё простить и сидеть с ней, как в кругу друзей.

Да уж, поступил я глупо и необдуманно. А на что я вообще рассчитывал? Что они и впрямь впустят Веронику на свой праздник и позволят ей быть с ними? Идиот самонадеянный! Настроение испортилось. Комната постепенно наполнялась неприятным запахом алкоголя и смешком, который больше напоминал крики гиен. Я выскользнул за дверь, но, похоже, моё бегство осталось никем не замечено. Вероника сидела в коридоре прямо на полу, прислонившись спиной к стене. Вид у неё был странный, но я к этому стал уже привыкать. Хлипкая дверь не могла сделать тайну из нашего разговора, Вероника слышала всё, что говорили о ней пару минут назад её одноклассники. Слышала, но продолжала сидеть.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Тебя выгнали? — продолжая гипнотизировать взглядом противоположную стену, спросила она.

— Сам ушёл, — я опустил на колени и сел рядом с ней.

Под таким углом зрения коридор казался практически бесконечным, а потолки неимоверно высокими. Тишиной тут и не пахло, голоса из комнаты раздавались всё чаще, а смех перестал быть тихим и сдержанным, но всё равно чувство умиротворения и спокойствия поселилось во мне. В холле жёлтым светом горела лампа, но сюда свет не попадал, коридор был окутан мягким полумраком. Ещё чуть-чуть, и я бы так и уснул,

положив свою голову Веронике на плечо, но она вдруг зашевелилась и поднялась с пола.

— Пойдём, — голос её звучал увереннее, чем тогда.

— Куда?

— А не всё ли равно?

Действительно, какая разница, куда идти? Главное, ведь, с кем. Я тоже встал и последовал за Никой. Остановились мы у её комнаты, Вероника зашла туда и вынесла большой клетчатый плед, а ещё прихватила пару подушек. В голову мою одна за другой поползли всякие противоречивые мысли. То, что у Вероники был какой-то план, я не сомневался, но задавать вопросов не стал, а просто пошёл за ней. Тихонько мы с ней прошли до холла и выбежали на улицу. Несмотря на тёплые вещи, холод я почувствовал сразу и обрадовался, что Вероника взяла с собой плед. Мы обошли здание по кругу и дошли до пожарной лестницы, которая вела на крышу. Когда Вероника спихнула мне обе подушки и уверенно полезла наверх, я понял, что она задумала. Мне захотелось обнять её крепко-крепко, потому что она угадала мою давнюю мечту. Я скорее полез за ней следом и, чуть было не уронив все вещи, взобрался на крышу.

Вид невероятный. Ночь была лунная и ясная, а потому всё пространство было видно, как на ладони. Я скинул подушки на пол и подошёл ближе к краю. Огромные деревья, проходя мимо которых, чувствуешь себя ничтожно маленьким, теперь были наравне с нами. Куда ни глянь — всюду лес, а мы будто находимся на маленьком островке в огромном океане деревьев. Озеро оказалось куда больше, чем я себе представлял, и тоже поражало своей красотой. Удивительно, как меняется мир, стоит тебе только взглянуть на него под другим углом. Я вовремя спохватился и вспомнил о Веронике, которая времени зря не теряла и уже давно приготовила постель.

— Я хотела придти сюда сама, но подумала, что и тебе здесь должно понравиться.

Я подошёл к ней, и мы легли, укрывшись пледом. Стало заметно теплее, только вот я не был до конца уверен, от пледа мне тепло, или от того, что Ника рядом. Звёзд на небе было не счесть, и все они неимоверно-ярко светили. Казалось, руку протяни — и сумеешь непременно достать одну, или даже две. Фантастика просто! Космос стал будто бы на шаг ближе ко мне.

— Удивительно, — только и смог вымолвить я, глядя на небо. Ника улыбнулась и придвинулась ближе ко мне. Внутри всё замерло, а лёгкие перехватило от неожиданности.

— Так теплее, — говорила она легко, и меня это успокоило, я вернулся к созерцанию неба. Мы долго молчали, разглядывая звёзды, пока Вероника не заговорила вновь. — Я знаю, о чём с тобой сегодня разговаривал дядя. Он и со мной говорил об этом. Лёша, не злись на него, он не хотел тебя обидеть.

— Не хотел обидеть и называл лицемером, — я зло усмехнулся и тяжело выдохнул. Пар, как из печной трубы, повалил из носа и быстро растворился. — Если он знает, что тебе здесь плохо, то почему не может перевести тебя в другую школу, или вовсе увезти отсюда подальше?

— Потому что я не хочу, — её ответ поверг меня в шок. Я и слова сказать не мог в противовес. — Другие школы у нас есть, вот только смысл переходить на новое место, если результат будет тем же? Одноклассники постарались и отрезали мне все пути к бегству. Куда бы я не ушла, везде меня будет ждать одна и та же картина. От своих, по крайней мере, знаешь, чего ожидать. Уехать тоже не могу, я ведь с дядей живу. У него здесь работа, дом, семья и я — вечно прибавляющее проблем тело.

Вероника замолчала и сплотнула подступившую к горлу горечь. Она не хотела показывать мне свои слёзы, поэтому как можно скорее вытерла глаза ладонями и заговорила, через силу улыбаясь.

— Мне осталось продержаться здесь один год. Потом родители обещали меня забрать к себе и перевести в колледж. Я пока не определилась с профессией и экзаменами, у меня, если честно, вообще смутные представления о дальнейшей жизни.

— Ника, всё хорошо будет, слышишь, — я взял её за руку и повернул голову. Мы лежали, взявшись за руки, и смотрели друг на друга. Что-то странное происходило со мной в эти минуты. Плачущая девчонка, вся избитая и покалеченная, затравленная и униженная, виделась меня самым прекрасным существом на свете. Моим главным желанием было, чтобы она перестала страдать. Раз и навсегда. — Только не плачь больше, пожалуйста.

Я лежал и смотрел на Нику, как она понемногу успокаивается и засыпает. А вот мне не спалось совсем. В какой момент человек ставит счастье другого превыше своих интересов? Что-то переменялось во мне этой ночью, но тогда, ещё лёжа на крыше, я не мог понять, что со мной произошло. Мне казалось это каким-то помешательством, проявлением маниакальных симптомов и бог ещё знает чем. Луна заканчивала своё путешествие по небу, которое уже начало светлеть. Занимался тихий рассвет, и по земле стелился туман. Ужасно не хотелось будить Веронику, но нужно было идти в корпус, пока нас кто-нибудь не увидел. Сон у неё был очень чуткий, стоило мне легонько прикоснуться к её плечу, как она тут же открыла глаза и растерянно посмотрела на меня.

— Уже утро? — спросила она, потирая глаза. Сделав над собой усилие, она встала.

— Нам нужно вернуться в корпус, пока никто не заметил, что нас всю ночь не было, — я пытался говорить серьёзно, но глядя на Веронику, не мог не улыбаться. Зато она была как всегда собрана и, кажется, не обращала на меня никакого внимания. Она, думая о своём, молча сложила плед, вручила его мне и пошла к лестнице. Когда Вероника спустилась вниз, я скинул ей наши вещи и поспешил к ней. В лагере было тихо, но это и не удивительно, рань такая. Я собирался проводить Веронику до её комнаты, но она вдруг остановилась у моей.

— Мне кажется, ты один не справишься, — в голосе её звучало сомнение, а я не понимал о чём она, пока не открылась дверь в мою комнату.

Я напрочь забыл, что ребята здесь всю ночь пили! Одноклассники валялись кто где, а вонь от алкоголя стояла такая, что меня затошнило и я, стараясь ни на кого не наступить, пошёл открывать окно. Вероника оценивающим взглядом обвела комнату. У самой двери, подпирая стенку и прижавшись друг к другу, спали Артём и Юлька. Видимо, они тоже хотели уйти, но в них успели влить достаточное количество алкоголя, хотя, им много и не надо, чтобы сделаться пьяными. Обнявшись, на полу посреди комнаты лежали Валера, Игорь и Дима. На Серёгиной кровати спала Селяева, но я этому даже ни сколько не удивился. Вот уж точно, святая парочка! Сам Серый мужественно, как верный пёс, спал рядом на полу. На моей кровати я обнаружил Катю и Толика. Зато на Гордеевской кровати целый цветник: там и Наташа, и Диана расположились. В гордом одиночестве спала только Сомова на свободной койке.

— Надо их разбудить, наверное, — что делать с пьяными одноклассниками, я вообще не представлял.

— Ты их не разбудишь, — Ника вздохнула и подошла к Юле, — придётся нам их всех отнести в их комнаты.

Ничего себе задачка! Ладно девочек донести до комнат, они лёгкие, но вот как

транспортировать здорового Валеру и Диму, я не представлял. Пока я мысленно сокрушался, Вероника успела поднять и немного привести в чувства Юлю. Куликова, немного опираясь на Нику, побрела к себе. Я решил попробовать разбудить хоть кого-нибудь, но даже Артём только лишь что-то бормотал себе под нос и громко сопел. Делать нечего, взвалив тело к себе на спину, я понёс Кузю в его комнату. Следующие пол часа мы с Вероникой занимались бестолковой работой, другого названия для этих тасканий у меня нет. Когда настала очередь Валерки и Димы, они, к моей великой радости, очухались сами и медленно, но уверенно уползли восвояси. За всей этой суматохой я так устал, что рухнул на первую попавшуюся кровать и уснул.

Проснулся я от того, что кто-то очень настойчиво меня тряс. Открыв глаза, я увидел перед собой Гордеева. Я был в шоке: всего три часа прошло, а он уже весь цветёт и пахнет, как ромашка полевая. Правда, поминутно он пил воду, которую, судя по всему, нашёл у меня в рюкзаке, но всё равно никаких следов ночной пьянки на нём не было. На полу пыхтел Серёга, он удивил меня ещё больше. Шувалов отжимался и делал это очень уверенно. Я начал сомневаться, а не приснилось ли мне всё то, что я наблюдал здесь несколько часов назад.

— Утро доброе, Егоров, — пропыхтел мне Серёга, продолжая отжиматься, — как спалось?

— Вы издеваетесь, или что? Вы хоть помните, что устроили здесь? Я в пять утра сюда пришёл и офигел! Тут же все убитые были!

— Кстати, спасибо, что всех по комнатам разнёс, — улыбаясь, проговорил Толик и хлебнул воды. Бутылка была уже почти пустой. Ну, точно, верблюд.

— Откуда знаешь, что это я?

— Так я сразу проснулся, как только ты пришёл. Было смешно смотреть, как ты надрываешься, девчонок на руках таская.

— А чего же ты, гад ползучий, не встал и не помог мне, если не спал?! — я готов был собственноручно придушить Гордеева, а ему хоть бы что, он продолжал ухмыляться.

— А не будешь от коллектива отрываться. Ты где шастал всю ночь?

— В комнате парней спал, где же мне ещё быть, — быстро соврал я. В этом году я стал слишком много лгать, меня это напрягало, но я продолжал поступать так же. С логикой тоже явно были какие-то проблемы, ну да ладно.

— Зря ушёл, Лёха, — Серый закончил свои упражнения и отобрал бутылку воды у Толика, — у нас тут вчера весело было. Акселераты танцевали танго, Каплан пел «Коня», мы с ним, кстати, помирились. Девчонки в бутылочку играть предложили, мне пришлось целовать Диму, в общем страшные, но весёлые дела творились здесь. Потом как-то все разом уснули. Я утром, когда ты пришёл, тоже проснулся, и мне показалось, что по комнате с тобой ещё кто-то ходил, только не разглядел, кто.

— Да нет, Серый, приснилось тебе, я один был, — количество моего вранья росло в геометрической прогрессии, но парни пока-что молча «проглатывали» мои сказки. Я не знал, поспать мне ещё, или уже вставать. Разрешилось, впрочем, всё довольно быстро. Шувалов сказал, что надо прибрать комнату после вчерашней гулянки, поэтому мы с Толиком поставили на места кровати и стол, а сам Серый вымыл пол и выбросил весь мусор. На часах было девять утра, когда к нам в комнату с испуганными глазами залетела Наташа.

— Нам конец! — кричала она. — Пётр Андреевич, походу, заметил, что бутылки пропали. Сказал, собрать всех в холле на разговор.

— Ну всё, теперь точно всех домой отправят, — Гордеев схватился обеими руками за

голову.

— Отставить панику, — скомандовал Шувалов, — Ната, в каком состоянии все остальные?

— В нашей комнате все в норме, Катьку тошнит, Юля живая, Димка с Валерой трезвые, Капкан ноет, что его отравили, Кузя лежит, не может с кровати встать.

— Плохо дело, но ладно, что-нибудь придумаем. Пойдёмте.

В холле я вновь увидел своих одноклассников. Видок у всех был тот ещё. Девочки ещё хоть как-то успели умыться, причесаться и переодеться, а вот парни были все мятые и взъерошенные. Напротив дивана на стульях сидели Елена Васильевна и Пётр Андреевич. Мне хватило нескольких секунд, чтобы понять по их лицам, что они пришли к нам явно не чай с печеньем пить. Мы неуверенно присели к остальным.

— Все пришли? — строго заговорила классная руководительница. — Хорошо. До меня дошли сведения, что вчера один ученик пронёс на территорию лагеря несколько литров спиртного. Благодаря бдительности Петра Андреевича весь алкоголь был изъят, и до сегодняшнего утра об этом происшествии мне не было ничего известно. Однако ночью кто-то проник в комнату Петра Андреевича и украл у него бутылку вина и бутылку водки. Классный час о вреде алкоголя мы, конечно-же, проведём, когда приедем домой, и я вас уверяю, вы это на всю жизнь у меня запомните. Сейчас вопрос не в этом. Мне нужно знать имя человека, который украл выпивку. Даю вам минуту на размышление.

В воздухе повисла тишина. Все прекрасно знали, что это Вероника принесла нам выпивку, но ребята демонстративно молчали, чему я даже удивился. Сама Ника сидела дальше всех и с задумчивым видом глядела в пол.

— Время вышло. Сергей, я хочу, чтобы ты назвал мне имя.

— В нашем классе воров нет, Елена Васильевна, — хладнокровно проговорил он, — я не знаю, куда пропали бутылки, но никто из нас их не трогал и уж тем более в комнату к Петру Андреевичу не влезал.

— Ну, так я и думал, — хлопнул по коленям Удальцов, встал и уверенным шагом направился в нашу сторону, — опять все Гордеева покрывают. Вставай, Толя, поедem с тобой в полицию.

— Чего? Какая полиция? — Толик опешил. — Не брал я ваши бутылки, нам их вообще ваша племянница принесла, вот с неё и спрашивайте.

— Я тебе сейчас уши надеру, если ещё раз скажешь какую-нибудь мерзость про Веронику!

— Пётр Андреевич, — на выручку пришёл Шувалов, — Толик не врёт, вчера правда приходила ваша племянница и принесла нам всё это. Да, мы напились, каемся, но в вору нас записывать не надо.

— Врёшь! Сергей, не топи себя ещё больше!

— Да не врут они! — один за другим одноклассники вступались за нас. В холле поднялся гул, который смог прекратить только крик математика.

— А ну тихо! — громко сказал он и подошёл к Веронике. — Ника, это правда ты взяла бутылки?

Вероника молчала, опустив голову. У всех начинали сдавать нервы.

— Ника, ответь мне! — Пётр Андреевич начал трясти Веронику.

— Отпусти меня, дядя, — наконец, заговорила она, — я ничего не делала! Я не виновата!

Пётр Андреевич вмиг отпустил её и вернулся к Елене Васильевне. Они молча переглянулись и кивнули друг другу.

— Я вызываю автобус, — объявила классная, — на сборы даю двадцать минут. Это была наша последняя поездка с вами.

Сказав это, учителя поспешили покинуть нас. Минуты полторы ребята сидели, будто неживые, мне и самому не верилось, что всё обернётся вот так. Я взглянул на Веронику, на её лице не было никаких эмоций, ни страха, ни сочувствия, вообще ничего. Шувалов, как настоящий вожак, встал первым и заговорил.

— Ну и тварь же ты, Никто, — зло отчеканил он, глядя на неё, — а я ведь вчера почти поверил тебе. Даже руки о тебя марать не хочу, но, обещаю, ты ещё ответишь за это.

Уверенным шагом староста пошёл в комнату. За ним потянулись все остальные, на диване остались сидеть я и Ника. «Нет, я так просто это не оставлю» — твёрдо решил я.

— Почему ты не рассказала дяде правду? — спросил я её.

— Я испугалась, — меланхолично ответила она, продолжая глядеть в пол, — я не думала, что всё так получится, мне очень стыдно перед ребятами.

Я не знал, верить ей или нет. В любом случае, теперь ничего не поделаешь. Разговаривать было не о чем, и я оставил Нику в одиночестве. В комнате парни уже собирали свои вещи, а мне что-то совсем ничего не хотелось делать, и только, чтобы не выдавать себя, я кое-как собрал сумку. Настроение было паршивое, и не понятно, кого было жаль больше: ребят, или Веронику, которую теперь уж точно затравят одноклассники.

Как и обещала Елена Васильевна, автобус подъехал ровно через двадцать минут. Погрузили вещи и сели мы все очень быстро. Всю дорогу в салоне была тишина, лишь только на ямах и кочках автобус противно поскрипывал. Я не мог смотреть на ребят, потому что чувствовал какую-то вину перед ними. Отвернув ото всех голову, я смотрел в окно. Пейзаж теперь мне виделся совершенно другой. Вместо ясного неба наверху грязной ватой тянулись мрачные облака, лес будто за ночь поредел, мне то и дело бросались в глаза кривые ёлки и безобразные берёзы, которые вчера я почему-то не замечал. Вчера я вообще на многие вещи смотрел сквозь пальцы. Наивный и беспечный дурак! Нужно становиться серьёзнее.

Новая четверть набирала обороты. Учителя все будто сговорились и давали нам такое количество контрольных и самостоятельных, что каждый день напоминал экзамен. Катастрофическая нехватка времени, недосыпание и стрессы обещали свести меня к новогодним каникулам в могилу. Наш класс был в ожидании хоть какой-нибудь, даже самой маленькой радости.

Мы дождались. В пятницу у Кати Зинчук было день рождения, и весь класс шёл к ней на праздник. Вечеринка у самой весёлой девчонки в классе — это то, что нужно, чтобы отдохнуть. С Катей в школе я очень редко общался, поэтому очень хотелось сходить в гости и узнать её получше.

Настало 20 ноября. В пять часов мы всей гурьбой поднимались на четвёртый этаж, где жила Катька. Нас было двенадцать, и как всегда мы были без Ники. После поездки в лагерь ребята в первую учебную неделю устроили за ней настоящую охоту, к субботе на ней не было живого места. Теперь наше общение приходилось скрывать не только от одноклассников, но ещё и от Петра Андреевича. Это было довольно тяжело, но пока нас никто не раскрыл.

Шувалов остановился у двери и постучал. Дверь открыла хорошенькая молодая девушка. Я догадался, что это сестра Кати. Она радушно пригласила нас в войти. Тесная прихожая не могла вместить столько народу сразу, поэтому сначала прошли в квартиру и разделись девочки, а затем только мы. К этому времени в коридор встречать гостей вышла и сама именинница. Да-а, Катька сегодня была хороша. Свои густые каштановые волосы она заплела в две красивые косы и перевязала их красными лентами. Главная модница Диана по достоинству оценила лёгкое Катино платье нежно-голубого цвета, заставляя Зинчук скромно улыбаться и краснеть. Мы решили сразу отдать наш подарок Кате. Юля, как лучшая подруга, от женской половины класса подарила огромного плюшевого медведя. Ростом медведь был чуть меньше Кати, а потому ей понадобилась помощь сестры, чтобы отнести зверя в комнату. Зато подарок от парней был куда меньше, но выглядел весьма устрашающе. Гордеев чуть ли не рыдал, отдавая игрушечный автомат Катьке, потому что, видите-ли, он всю жизнь о таком мечтал. Теперь Катя с автоматом, пускай и с игрушечным, могла реально держать в страхе всю школу.

— Спасибо вам, ребята, — рассматривая автомат, проговорила она, — мне очень приятно! Проходите в комнату, сейчас праздновать будем.

В зале, куда нас отправила Катя, главным предметом интерьера был стол, накрытый белой узорчатой скатертью. На столе уже стояла посуда и приборы, а Катина сестра Алёна то и дело приносила всё новую и новую еду. Комнатка была небольшая, но мы сумели здесь все расположиться. От запаха вкусностей у меня чуть кружилась голова и сводило живот, но есть мы не начинали, все ждали Катю. Хотя Гордеева это не остановило, и он, пока никто не видит, стащил со стола куриную ножку, за что получил подзатыльник от Серёжи и положил еду на место. Наконец, пришла Катя, она села во главе и стола и объявила о начале праздника. Парни, будто с голодного края, накинулись на еду. Я попробовал курицу и понял, почему они себя так ведут. Это и правда было вкусно. Девчонки вредничали и ели в основном салаты и фрукты. Когда все утолили первый голод, настала пора разговоров.

— Что-то я твоих родителей не наблюдаю, — проговорил Толик, вытирая пальцы

салфеткой, — признавайся, куда предков дела?

— У соседей они, специально ушли, чтобы нам не мешать, — пояснила Катя, — Алёнку оставили помогать, но она сейчас тоже уйдёт.

— Ага, квартира значит в нашем распоряжении? — оживилась Наташа и потянулась к магнитофону, чтобы поставить музыку. — О, молодец, Катька, подготовилась. Сейчас веселиться будем!

Из-за стола танцевать стайкой выбежали Наташка и Диана, за ними вышла и Маша, которая тут же потянула Серёгу за собой. Валерка и Дима взяли в пару Нату и Диану, Каплан и Сомова демонстративно ушли курить на балкон, Кузя осмелился пригласить на танец Юлю, а Толик предоставилась честь танцевать с именинницей. За столом остался сидеть я, мне пары не хватило. «Эх, если бы здесь была Вероника...». Если бы Вероника и вправду была здесь, я был бы самым счастливым человеком на свете. Но вот Нике самой пришлось ой как не сладко.

Ребятам скоро надоело танцевать, и они вернулись за стол доедать то, что не успели съесть в первый раз. С балкона вернулись замёрзшие Игорь и Саша.

— Катя, там сестра твоя на улице стоит, — сообщил Каплан, вешая куртку в коридоре, — говорит, ключи дома забыла, а домофон не работает. Просит, чтобы ты сходила и дверь открывала.

— Хорошо, — Катя встала из-за стола, — я быстро.

Накинув на себя лёгенькую кофту, Катя вышла в из квартиры. Ещё тогда я хотел крикнуть ей, чтобы она надела куртку, но не успел. Между тем Сомова сходила на кухню и принесла оттуда на подносе большой кремовый торт с пятнадцатью свечами.

— Задуваем свечи, господа, — официально объявила Саша, зажигая зажигалкой свечи на торте.

— А ты праздником не ошиблась? — спросил Серёга и отобрал зажигалку. Горело двенадцать свечей, как раз по нашему количеству. — Вот Катька придёт, и задуем.

— Ты её до ишачьей пасхи ждать будешь! — подала голос Диана. — А мы возьмём, задуем свечи и всё, не будет наша Катенька взрослеть в этом году, останется таким же милым и безобидным ребёнком.

— Походу, в конфетах ликёр был, — тихонько пробормотал Димка, Валерка согласно кивнул. — Хотя, возможно, Дианка пудрой надыхалась.

— Так её уже десять минут нет, — из кухни с чайником в руках появился Игорь, — может, она вообще про нас забыла. Безответственная девица Катька.

Пока Игорь наливал всем чай, я выскользнул в коридор, взял куртку и вышел в подъезд. Открыв дверь во двор, я увидел Катю, которая переминалась с ноги на ногу и вся дрожала от холода. Я скорей затащил её в подъезд.

— Ты чего, дурочка, на морозе стояла?!

— Я вышла из подъезда, смотрю, а Алёны и нет во дворе, — стуча зубами, рассказывала мне она, — а дверь раз — и захлопнулась, ключи я не взяла с собой. До меня только на улице дошло, что Игорь и Саша не могли увидеть с балкона Алёну, у нас окна на дорогу выходят. Пошутили, значит. Смешно, даже очень.

Я не знал, что сказать Кате, но шутников этих мне захотелось прибить. Это же надо додуматься, именинницу и хозяйку дома заставить на морозе мёрзнуть! И всё ради чего? Ради паршивого торта! Мы зашли в квартиру и вернулись к гостям. Ребята обступили торт и собирались задувать свечи. Я не мог этого допустить.

— Стойте, — закричал я. Ребята обернулись, — вы чего творите?

— Имениннице помогаем, не видишь что-ли? — ответила за всех Саша, и переставила горящую свечку с одного места на другое. — Заждались мы тебя, Катя, заждались.

Катя молча кивнула и, улыбаясь, подошла к торту. Ребята как тараканы разбежались по своим местам и заняли выжидательную позицию.

— Задувай скорее, — нервно проговорил Игорь.

Катя набрала в лёгкие побольше воздуха и разом задула все свечи. Одноклассники радостно зааплодировали и начали стучать вилками по тарелкам. Зинчук быстро начала нарезать торт. Ненасытные люди вновь приступили к еде, а вот мне почему-то есть не хотелось. Что-то было не так, но я не понимал, что именно. Катенька как всегда весело улыбалась и даже слова не сказала Саше с Игорем, не сказала она ничего и ребятам, которые вели себя по-хозяйски в её отсутствие. Я немного поковырял вилкой торт, а потом отдал свой кусок Толику. Именинница начала понемногу убирать со стола посуду, а ребятам для развлечения достала «Монополию». Одноклассники вмиг оживились и ушли играть в соседнюю комнату. Я решил помочь Кате и собрал остатки грязной посуды. Придя на кухню, Катю я там не увидел, только гора немытых тарелок стояла в раковине. Я хотел сам начать мыть посуду, но решил сходить перед этим в туалет. Дверь была незаперта, я потянул её на себя и увидел там Катю. Она так испугалась, что предмет, который до этого был у неё в руке, выскользнул и упал в раковину. Я чувствовал себя неловко до тех пор, пока в глаза мне не бросилась длинная красная полоса на запястье у Кати. В моей голове всё сошлось, и страх захватил меня. Я уверенно переступил через порог и закрыл дверь на щеколду. В раковине лежало лезвие. Я взял его в руки и быстро выбросил в мусорное ведро.

— Идиотка ты, Катерина, — я насильно схватил её руку и промыл рану водой. — Если убивать себя собираешься, в первую очередь надо дверь закрыть, чтоб никто не спас!

— Лёша, не оставляй меня одну! — захлёбываясь слезами, прошептала она и обняла меня со всех сил. — Мне так страшно и больно, что больше сил нету!

Она была такой слабой, что еле держалась на ногах, всем телом повиснув на мне.

— Рассказывай, — я опустился и сел на махровый коврик, усадив рядом с собой Катю, — зачем это сделала?

— Не могу я так больше, не могу! — самую малость успокоившись, слёзы с новой силой полились из её глаз. Я бы поражён, ведь никогда Катю даже просто серьёзной не видел, какие уж слёзы! — Если начну рассказывать, то это будет очень долго.

— А куда нам спешить? — я налил в стакан воды и отдал его Кате. — Рассказывай, всё-всё мне рассказывай, а я послушаю и, обещаю, никому не скажу.

Немного отдышавшись и выпив воды, она заговорила.

— Раз так, то скажи мне, Алексей, тебе нравится, чем занимается наш класс?

— О чём ты?

— Ты умный парень, ты понял, о чём я.

«Неужели, она про Веронику решила поговорить? И это в такой момент?».

— Да, Лёша, я про историю с Никто, — подтвердила мои догадки Катя. — Так вот ответь мне, тебе нравится, что мы с ней делаем? Ты согласен с тем, в чём мы её обвиняем? Тебе её жаль?

Я задумался. Конечно-же я был против всего, что делали одноклассники с Вероникой, но признаться хоть кому-то из них в этом я не мог. Я не знал, можно ли доверять Кате.

— Ты выдал себя, — Катя прервала мои размышления, — согласный с нами не

задумываясь ответил бы мне прямо сейчас, но ты промолчал, а значит ты думал, можно ли мне верить. Я понимаю, мы не слишком хорошо друг друга знаем, но поверь, то, что ты увидел здесь, теперь является пожизненным гарантом моей честности перед тобой. Я так же, как и ты, против травли Никто.

Мне казалось, что всё это происходит не со мной. Но нет, из соседней комнаты слышались знакомые возбуждённые голоса, смех и шум. Одноклассники играли в Монополию и даже не подозревали, что их подруга чуть не вскрыла вены прямо у них по носом.

— Я их ненавижу, — продолжила Катя, кивнув в сторону двери, — всем сердцем презираю и всё равно продолжаю быть с ними. Почему они так любят делать всем людям больно? Почему?! Мы ведь совсем маленькими ещё были, когда Яна умерла, нам хотелось справедливости. У нас был не самый дружный класс, а Серёжа очень умно придумал, как объединить всех нас и сделать себя лидером. Всем нравилась эта игра в мстителей, но сейчас мы выросли, и игра превратилась в жестокий бой на смерть. Ты мне не поверишь, но среди нас есть люди, которые тоже больше не хотят мести для Вероники. Юля и Артём со мной заодно, раньше и Сомова была на нашей стороне, но в последнее время Игорь с ней что-то плохое делает, она больше не общается с нами. Селяева тоже никогда Веронику лично не унижала, но она всегда идёт за Шуваловым, поэтому её в расчёт можно не брать.

— Получается на стороне Вероники четыре человека? Это, конечно, мало, но не сравнить с тем, что воевать в одиночку. Так почему же вы не можете в открытую сказать всем «Стоп»?

Катя очень странно усмехнулась и покосилась на свой шрам. Страшная борозда распухла и побелела, зато кожа вокруг покрылась красными пятнами.

— Страх заставляет людей делать ужасные вещи. Даже если у нас и получилось бы, ребята не смогут жить нормально, они уже привыкли, что у них есть человек, виновный во всех их проблемах, человек, которого всегда можно наказать за свои неудачи. Если сумеем спасти и оправдать Веронику, они найдут новую жертву и всё начнётся сначала. А жертвой может быть кто угодно: и ты, и я, да и вообще любой из нас. Им никого не жаль, понимаешь, никого, кроме себя.

— Так ведь и ты себя жалеешь!

— Ты думаешь, смог бы человек, не понимающий этого, наложить на себя руки? Я не хочу себя жалеть, я не хочу бояться боли, поэтому и делаю это.

Голова шла кругом от её слов. Образ счастливой девочки разбился прямо на глазах. Самая весёлая одноклассница рыдала у меня на коленях и до боли сжимала мою руку, оставляя вмятины от ногтей на коже. Катя будто хотела отдать мне всю свою боль, только вот я не был уверен, сумею ли вместить её в себе. Выдержу ли я то, что она носит на сердце? Змейкой заползла в голову другая мысль. А что, если все они врут и притворяются? Безо всяких сомнений это было так, все они играют, вот только для кого? Этого я не знал.

— Ты очень храбрая девочка, — проговорил я, успокаивая Катю, — я благодарен тебе, что ты поговорила со мной. Пообещай мне, что не будешь больше заниматься глупостями, хорошо?

— Хорошо, — она утёрла остатки слёз и наклонилась ко мне. Её удивительной красоты карие глаза смотрели на меня и будто искрились лучиками. Мне вдруг захотелось сделать одну очень необдуманную глупость, и я бы сделал её, если бы не открылась дверь. Нас застукал Гордеев. Он, увидев нас на полу в такой близости, впал в ступор, а Катя шумно

выдохнула и положила голову мне на плечо. Её волосы так приятно пахли, что мне совсем не хотелось, чтобы она уходила.

— Чем вы тут занимаетесь? — в голосе Толика я уловил непривычную для него интонацию — это была ревность. Вот это новости!

— Надо определённо починить замок у этой двери, — прошептала мне Катя и усмехнулась, — потому что и до твоего прихода я точно её закрывала.

— Эта дверь спасла тебе жизнь, дурочка, — я улыбнулся и обнял её, забыв напрочь про Толика, одноклассников и прочие проблемы. Катя имела удивительную способность передавать душевное тепло и свет через объятия. Этим она мне очень нравилась. На Гордеева, не знавшего всей ситуации, наше поведение действовало крайне раздражающе. Он силился что-то сказать нам, но с красноречием у него явно были проблемы, поэтому он не нашёл ничего лучше, чем позвать на помощь.

— Серый, — жалобно, но в то же время требовательно застонал он, — здесь люди с детством сейчас прощаются! Серый, останови их сейчас же!

Не дождавшись ответа, Толя сам побежал за подмогой и начал в красках описывать одноклассникам увиденное им зрелище. А мы с Катей просто сидели на полу и смеялись.

— Надо выходить, — прислушиваясь к недоумевающим возгласам из соседней комнаты, сказала Катя, — ты ведь знаешь Толика и его богатое воображение. Через минуту окажется, что мы с тобой пара, а через две, что мы поженимся на следующих выходных.

— Да уж, что-то, а преувеличивать Толик умеет, — я поднялся с пола и помог встать Кате. — Знаешь, Кать, они ещё не до конца пропащие люди, у них ещё есть шанс на исправление.

— Я знаю. Я буду стараться приглядывать за Вероникой, — она улыблась и стала ещё прекрасней, — да и ты её не бросай. Вы, когда вместе, оба такие счастливые, прямо душа за вас радуется.

Услышав это, я прямо на месте замер. Я был уверен, что кроме Игоря, который постоянно суёт нос не в своё дело, о нас с Вероникой больше никто не знает. Катенька заметила это замешательство и практически волоком вытащила меня в коридор, где уже толпились одноклассники, требующие объяснений. Катя на удивление складно сочинила историю о том, как она якобы мыла посуду, разбила тарелку и порезала руку, а я увидел это и решил ей оказать первую помощь. На секунду, даже я поверил в эти сказки. Ребята начали один за другим сочувствовать имениннице, и точно так же один за другим давать Толику подзатыльники за дезинформацию.

— Пойдём мы, Катенька, — объявил Серёжа, отправив девочек одеваться, — спасибо, что приняла нас. Ещё раз с днём рождения!

Все дружно поздравили Катю с праздником и попрощались. Мне безумно не хотелось уходить, но я понимал, что уже пора. Мы вышли из подъезда и начали разделяться на группы, чтобы пойти домой. В моей стороне никто не жил, поэтому я пошёл один. Я даже обрадовался, что всё так сложилось, потому что хотелось прогуляться в одиночестве и подумать о многих вещах.

Скучные учебные будни тянулись невыносимо долго, и только эта русоволосая девчонка была единственной радостью. Мне очень нравилось с ней дружить. Так, оставаясь вместе на алгебру, сбегая с уроков, скрываясь от всех в саду и гуляя по вечерам с ней, я и не заметил, как быстро пролетело время, и наступила зима.

Вторая четверть клонилась к закату, уже совсем скоро должны были начаться новогодние каникулы. Школа оживлялась, все находились в приподнятом настроении. Каждый класс старался украсить свой кабинет и поставить маленькую ёлочку. Одноклассники уже во всю строили планы с кем и где они будут встречать Новый год, обсуждали, где лучше купить подарки друзьям и родственникам. Часто на выходных мы вместе гуляли по городской площади, катались с горок, иногда ходили на каток или на лыжную базу.

Я стал замечать, что Вероника с каждым днём становится всё грустнее и грустнее. Видимых причин для этого не было. Одноклассники, конечно, продолжали задирать её по мелочам, но всё это было уже привычно для неё. Поначалу я подумал, что они снова начали по-тихому её бить, но осведомившись по этому поводу у Толика, стало ясно, что причина вовсе не в этом. Приближался день смерти Яны. Вероника мне рассказывала, что в прошлую годовщину одноклассники сильно избили её и собирались тащить на кладбище, но её вовремя спас дядя. Я не мог допустить, чтобы в этом году случилась нечто подобное.

— После этого урока собираемся в нашем кабинете, — предупредил меня Серёга. Я хотел спросить зачем, но он сказал, что времени нет объяснять и ушёл.

Звонок. Уроки окончены. День был трудный, две контрольные, очень хотелось домой, но, вспомнив о просьбе Серёги, я вместе со всеми пошёл в кабинет. Как только все расселись по местам, Серый вышел к учительскому столу.

— Тишина! Класс внимание! — прикрикнул староста и подозвал к себе Игоря. Все затихли, девочки перестали шептаться и громко смеяться, парни убрали телефоны. Убедившись, что его слушают, Серёга Шувалов продолжил. — Мне, на самом деле, сейчас тяжело говорить об этом, но я должен это сделать. Все вы знаете, какое у нас приближается событие?

Ребята согласно закивали головами. Все очень хорошо понимали, о чём говорил Серёга, и лишь я оставался в недоумении.

— О чём он говорит? — тихонько спросил я Толика.

— Годовщина смерти Яны, — быстро пояснил мне он, — тихо ты, не мешай слушать!

— Хорошо, что вы все помните, — Серый вздохнул, прошёлся вдоль кабинета и вернулся обратно, — в этом году будет вот уже три года, как с нами нет Яны. Я предлагаю скинуться всем и заказать Яне на могилу красивый венок. Что скажете?

— Отличная идея! — откликнулась Наташа и, недолго думая, продолжила. — Только нужно будет ещё подписать красиво на ленточке: «От вечно любящих одноклассников и твоей убийцы Никто».

Опять. Опять эта злость подступала ко мне. Они все смеялись, да, а я видел, как на последней парте Ника сжимается в маленький серый комочек. И зачем она вообще сюда пришла? Что у неё там творилось внутри?

Страх?

Обида?

Злоба?

Я был уверен, что она, как всегда, тихо всё стерпит. Но что-то пошло не так. Ника вскочила со своего места и с силой грохнула по столу каким-то учебником.

— Хватит! — закричала она. Все разом замолчали, ошеломлённые ребята устремили взгляды на неё. — Я не убийца! Почему вы столько лет отказываетесь мне верить? Она сама выпала из того чёртова окна, я её не убивала!

— Никто заговорила, — не отходя от шока, протянул Толик. По классу покатилась волна шёпота. После стольких издевательств Никто встала и попыталась защитить себя.

— Замолчи! — крикнул ей Игорь. — И не смей осквернять память Яны своим враньём!

Ника схватила свою сумку в руки и выбежала из кабинета. Я почти сразу рванул за ней, но каким-то чудом меня остановил бдительный Толик. Спасибо ему большое.

— В общем, я посчитал, нормальный венок обойдётся нам в три-четыре тысячи, — Серёга записал цену к себе блокнот и попытался разделить эту сумму на количество человек в классе. После трёх неудачных попыток, он поймал утешающий взгляд Маши и плюнул на это дело. — Завтра я точно скажу вам сумму, но пока берите по двести рублей. Парни, если найдёте сегодня Никто — отпинайте её как следует.

На следующий день мои одноклассники, и я в том числе, во всю сдавали деньги Серёге. Он решил не таскаться с такой суммой по школе и положил деньги в тайник в кабинете физики.

Мы ожидали первый урок. Класс как обычно разбит. Это ужасное чувство потерянности иногда вселялось в меня в этих коридорах. Нескончаемое движение и суматоха, постоянное ожидание того, что в тебя кто-то влетит или толкнёт — всё это давило на меня каждый день. Согласен, звучит, как выдержка из фильма ужасов, однако это лишь обычное доброе утро. Ко мне тихонько подошла Ника и молча протянула двести рублей.

— Что это? — спросил я, глядя на деньги. Ника насильно вложила в мне в руку купюры.

— Это деньги на венок для Яны. Как ты понимаешь, сама я отдать эти их не могу. Отдай их за меня, если не трудно.

— Хорошо.

Я колебался. Спросить ли, что с ней вчера случилось? Как она добралась до дома? Всё ли с ней хорошо?

— Я тебя искал вчера. Куда ты пропала после уроков?

— Искал? — её лицо изобразило удивление. — Когда Наташа вчера говорила этот бред про меня, ты сидел и молчал, а потом неожиданно решил меня поискать?! Да ты просто трус, Алексей!

Ника резко развернулась и пошла от меня прочь. Я чувствовал себя идиотом. А тут ещё, как назло, меня заметил Игорь и не упустил эту сладкую возможность поговорить со мной.

— М-м-м, Лёха, какие у тебя тут страсти разгораются! — хитро улыбаясь, выдал он мне.

— Игорёк, иди ты к чёрту, я как-нибудь сам разберусь, и твоя помощь мне уж точно не нужна!

— Я посмотрю, как ты запоёшь, когда Серёга узнает, что ты общаешься с ней!

Я не стал дослушивать его эмоциональный монолог и решил прогуляться по этажу.

Наша школа мне всегда виделась с двух противоречивых сторон. Иногда мне казалось, что она у нас прям образцово-показательная. В библиотеке всегда полно народу, все что-то читают, пишут, если убрать пятиклассников, которых боятся абсолютно все, то здесь был бы

рай. Но чаще всего, школа мне казалась настоящим сумасшедшим домом. Почти все мои одноклассники упорно считают, что школа нужна лишь для веселья и не могут высидеть даже один урок спокойно. А ещё они все упорно верят, что школа — это прям целый военный полигон, где они охотятся за своим самым страшным врагом — Вероникой. В толпе, неожиданно, я заметил Гордеева.

— Где тебя всё утро носит? — спросил я его, протягивая руку для приветствия. Гордеев с некоторым опозданием принял моё рукопожатие, но продолжал хранить странное для него молчание. — Толь, с тобой всё нормально?

— Да, нет, ничего, — Толик попытался изобразить, что всё хорошо, но потом сдался и выложил мне всё. — У меня, короче, мама заболела, её в больницу положили, ей лекарства нужны дорогие, а денег нет. Вот я и хожу по школе, подработку ищу.

— Может, подойти к Серёге и поговорить с ним? Мы бы классом все скинулись.

— Нет, сам справлюсь.

Прозвенел звонок. Мы пошли на обществознание. Это всегда был очень скучный урок, где мы ничего не делали, каждый занимался своим делом и нашей единственной обязанностью было не привлекать к себе внимание, чтобы всё было хорошо.

Я сидел и наблюдал за своими одноклассниками. Это так удивительно, они вместе с самого детства, они почти семья, но на деле друг о друге они не знают совершенно ничего. Об этом я задумался ещё после Катиного дня рождения, когда возвращался домой. Каждый изображает данную кем-то роль, забывая свою настоящую сущность. Вот посудите сами.

Толик — вечно весёлый дворовый пацан, которого никто не воспринимает всерьёз, у которого не может быть проблем, ведь он никогда не ввязывается во что-то серьёзное. А сейчас он делает всё возможное, чтобы найти работу и заработать деньги на лекарства для мамы.

Вероника — девочка-Никто, которую не считают за человека. Её постоянно унижают люди, которые очень любили её несколько лет назад. Она всем своим видом показывает, что ничего такого не происходит, что так и должно быть, но на самом деле она очень обижается на меня, когда я не могу заступиться за неё.

Маша — умная, красивая и... идеальная. Так считают все, и она старается следовать этому образу всегда. И даже Серёга ради неё стал старостой класса, чтобы только соответствовать ей, чтобы только не быть хуже неё, чтобы ей было не стыдно появиться где-то в его обществе. А для неё было бы в радость быть простой школьницей, а не эталоном для всей школы.

Диана — гордая и эгоистичная красавица, настоящая сердцеедка, которая ни в жизнь не посмотрит на простого парня. На самом деле всем интересны лишь её внешность и материальное положение, потому что она дочка директора. Ещё все знают, что Диана много красится, но никто не знает, почему она делает это. За маской высокомерия, глубоко в душе Диана скрывает неуверенность и даже ненависть к себе. Девочка пытается скрыть это за косметикой и надменностью.

Наташка — главная сплетница и бунтарка, которая не потерпит, если кто-то встанет у неё на пути. А что же на самом деле? Просто обиженная девчонка, у которой развелись родители. Она уже и не помнит, когда в их семье был мир. Вот почему Наташа рушит мир везде, где он ещё сохранился.

Артём — умник и ботаник. О его существовании вспоминают лишь тогда, когда надо списать д/з. С утра ему говорят не «Привет Тёмка, как дела?», а «Дай алгебру скорей!».

Обидно, когда тебя используют.

Катя — под маской весёлой девочки скрывалась израненная душа. Каждый день Катя старается быть на виду у всех, но это лишь потому, что она очень сильно боится остаться одна. Она почти не находится со своим классом, потому что не хочет лишний раз видеть, как вновь и вновь её друзья причиняют кому-то боль.

Серёга — староста, самый главный человек в классе, единственный, кто может успокоить это стадо. Но, признаться честно, он очень слабый человек, хотя всеми силами старается этого не показывать. Это он начал войну против Вероники и не желает отступать до сих пор. В роли героя и капитана он не сможет потерять своего лидерства и превосходства над всеми.

Саша — при первой встрече она показалась мне скрытной, но довольно приятной девушкой. И она была такой ровно до той поры, пока не начала общаться с Игорем. Он научил её курить и ненавидеть весь мир. Вот что значит, связалась с плохой компанией.

Игорь — именно он выполняет все поручения Серёги. Хотя он считает себя важным и незаменимым, Серый больше уважает бездельника Толика, а не своего главного помощника. Он просто мальчик на побегушках, собачка, которая выслуживается перед всеми и пойдёт на любую низость, лишь бы угодить хозяину. И я не представляю, почему он стал такой тварью.

Школа опустела и отдавала эхом при каждом шаге. Игорь остался сегодня на дополнительных занятиях по химии и только сейчас освободился. Он шёл по коридору и точно знал, что он — последний оставшийся человек в школе. Поэтому ему показался очень подозрительным шум, доносящийся из их кабинета физики. Дверь была приоткрыта, в классе определённо кто-то был, и это явно не учительница или припозднившаяся с уборкой техничка. Игорь вжался спиной в дверной проём у кабинета неподалёку и стал ждать. Отчего-то заморгали все лампы на этаже, то погружая в полумрак, то на долю секунды освещая его. Игорь увидел, как кто-то вышел из кабинета и закрыл дверь. Парень пытался разглядеть, кто именно это был, но ему не удалось. Таинственный гость поспешно скрылся, Игорь бросился вдогонку за ним, но успел увидеть лишь чёрную куртку беглеца. Ещё тогда, ему показалось это происшествие странным, но он не придал этому значения.

— Мало ли придурков в школе?!

Осталась последняя неделя до каникул. Второй день уже шёл снег. Взрослые злились, ругали сугробы, а дети выбегали на улицы и веселись. Вот только моих одноклассников эта радость будто не касалась. Послезавтра была годовщина смерти Яны. Класс совсем поник, все ходили, как неживые. В их глазах читалась грусть и необъяснимая животная ненависть к Веронике. Уже второй день подряд уроки сокращали, сегодня мы были только на четырёх. Нам сказали, что в школу приехала какая-то комиссия, поэтому детей попросили побыстрее уйти из школы. Да мы и сами рады уйти, но нужно было забрать деньги, Серый решил сегодня взять с собой Машку и вместе купить венки.

Я, Серёга, Маша, Игорь и Толик вошли в кабинет физики. Серый сразу же пошёл к учительскому столу, где располагался тайник. Ещё в пятом классе этот стол сломался, и его принесли к мальчишкам на технологию. Именно тогда один друг Серёги, который в то время учился в восьмом классе, починил стол и по просьбе мальчишек, да и просто ради шутки, сделал в столе маленький потайной ящик. С тех пор все важные вещи класс хранит именно там.

— Что за чёрт! — выкрикнул Серёга, вытащил ящик из стола и швырнул его на пол. — Деньги пропали!

— Может, ты их переложил куда-то? — предположила Маша, хотя и сама понимала, что говорит полный бред.

— Их украли! — староста не унимался. Он поймал взглядом Игоря и Толика. — Так, вы двое, пулей вниз, всех наших тащите сюда!

Парни кивнули и выбежали из кабинета. Серый сел прямо на пол кафедры и обхватил голову руками. Он был убит этим происшествием и винил во всём только себя. Маша попыталась утешить его, она присела рядом с ним и погладила его по голове, говоря, что он не виноват, но Шувалов лишь отмахнулся от неё. Через пару минут запыхавшиеся Толик и Игорь привели уже успевших одеться одноклассников. Все с непониманием и возмущением смотрели на Серёжу. Но долго ждать объяснений не пришлось.

— Да что вы как не родные стоите?! — он всплеснул руками, встал с пола и начал ругаться. — Давайте, раздевайтесь! Толик, закрывай дверь, мы все остаёмся здесь.

Поздравляю, друзья, у нас крыса завелась! Деньги украли!

Ребята зашумели и нехотя стали снимать куртки. Некоторые высказывали свои предположения, по поводу вора, каждый спихивал вину друг на друга. Ещё пару минут и дело бы дошло до драки. Серёгу так вывел из себя этот базар, что он схватил злополучный ящик и со злостью швырнул его через весь класс в стену. Ящик разлетелся на дощечки, одноклассники замолчали.

— Зря ящик разбил, — прокомментировал Валерка и подобрал с пола всё, что осталось от бедной деревяшки, — можно было бы отпечатки пальцев снять.

— Давайте вы в следопытов с Димкой в следующий раз поиграете! — зло отмахнулся Серёга. — Надо что-то серьёзное делать! Вы понимаете, что вы, твари, у своих воруете! Пропало пять тысяч! Я вас прошу, просто верните деньги сейчас, и я обещаю, вас пальцем никто не тронет.

Класс не шелохнулся. Мы простояли в полном молчании минуты три. У всех начинали сдавать нервы.

Думаю, вам хорошо знакомо такое чувство. Вот, допустим, болтаете вы с другом на уроке, а учительница это заметила, поставила вас и начала отчитывать. По идеи, вы должны стоять, потупив голову, и внимать нравоучения. А на деле ты стоишь и не знаешь, куда себя деть, потому что невыносимо хочется смеяться. И вроде бы ситуация не позволяет, да и повода нет, но ничего поделать не можешь; стоишь и умираешь. Примерно то-же самое происходило со мной в те минуты. Тихо, целый кабинет подростков, напряжение давит так, что боишься пошевелиться и тут этот проклятый смех так и хочет сорваться с твоих уст. Я благодарен небу за то, что сумел сдержаться.

— Так, мне всё это надоело, — наконец проговорил Серёга, и швырнул на пол свой портфель, — сдаём сумки и куртки на учительский стол, я каждого сейчас обыскивать буду!

Мы все без лишних слов сложили на большой учительский стол свои вещи. Каждый знал, что он не виновен, но в то же время все понимали, что кто-то из присутствующих здесь — вор. Вот только, кто это? Серёга проверял все карманы, тщательно вытаскивал всё из сумок. Мы внимательно ловили каждое его движение, боясь упустить самое важное. Когда Серый выпотрошил очередной рюкзак и с удивлением вытащил оттуда знакомую пачку денег, он даже вскрикнул от радости.

— Нашёл! — воскликнул он и помахал в воздухе деньгами. Но его мимолётная радость сдохла в зародыше, вернулась знакомая ярость. Он отшвырнул от себя эту сумку и строго спросил. — Чья?

— Моя, — из толпы вышел вперёд Толик, который не понимал, что происходит. Мы на секунду встретились с ним взглядом, и я тут же понял, что он не виноват. Класс был шокирован. Все думали, что вор кто угодно, но не Толик.

— Толян? — Серёга вопросительно посмотрел на одноклассника. Он и сам не хотел верить в то, что вором оказался именно он. — Толян, да ты чего, совсем страх потерял, у своих воровать?!

— Я не вор! Это мои деньги! — Толик не собирался сдаваться.

— Твои? Такими-же купюрами и даже такой-же резинкой перевязаны?! Дурака из меня не делай! Толян, я от тебя не ожидал такого.

Серёга кивнул Димке и Валере. Парни подошли к Гордееву сзади, заломили ему руки за спину и поставили на колени. Толик вырывался и ругался, говорил, что не виновен, но парни посоветовали сидеть ему смирно. Все уже собрались расходиться, как вдруг Игорь вспомнил

о вчерашнем событии в школе и решил поскорее рассказать об этом Серёге.

— Слушай, я вот что вспомнил, — издалека начал он, — вчера я допоздна был в школе и когда уже шёл домой, увидел, как дверь в наш кабинет приоткрыта и там кто-то был. Я спрятался, думал, сейчас увижу, кто там, но вдруг почему-то все лампы на этаже моргать начали, да и этот чувак так быстро скрылся, что я даже на лестнице догнать его не успел.

— И к чему ты мне это сейчас рассказал? Деньги же мы нашли? Нашли, — староста для убедительности помахал деньгами прямо перед глазами Игоря. — Так что тебе ещё надо?

— Просто я не совсем уверен, что это может быть он. Ну ты посмотри на него, — сам Игорь, Серёга, да и весь класс уставились на Гордеева. — Толик — он же раздолбай, он бы обязательно накосячил, а тут не единого следа преступления! Да и потом... — парень задумался, озвучивать ему своё предположение, или нет. Поколебался, но решил говорить всё до конца, — поднимите его, пусть он встанет в полный рост.

Толика подняли с колен, и он озлобленно сверху вниз посмотрел прямо в глаза Игорю. Парень убедился в своих догадках.

— Ну, да, я так и думал, — пробормотал он и поставил Гордеева обратно на колени, — Гордость — человек довольно высокий, а там был кто-то поменьше. Я могу, конечно, ошибаться, но...

— Ты достал уже со своими предположениями! — зарычали на парня Валера, Дима и Толик. — Если знаешь, кто это, то так прямо и скажи!

— Я думаю, что это Никто.

— С чего это она? — сам от себя не ожидая, я вышел вперёд. — Почему, если что-то случается, то в этом обязательно виновата Ника?

— А с того, что одна она была против этих сборов, — напомнил Игорь и подмигнул мне. Вот, похоже, он на Нике сейчас и отыграется, вот сейчас он и отомстит нам за всё.

— Как бы она вошла в кабинет без ключей? — я вновь попытался выгородить Нику.

— Не забывай, её дядя работает в школе. Что ей стоит стащить ключи?

— Но в таком случае, не будем забывать и том, какой мастер у нас Толик, — в нашу перепалку влез Серый. Я не понимал, чего он хочет добиться. С одной стороны он ненавидел Нику, но в то же время сейчас благополучно топил Толика. Хотя, ему, возможно, просто надоело разбираться, кто виноват. — Все мы знаем, кто имеет дубликат ключей от нашего кабинета.

— У них нет алиби! — Игорь был настроен решительно. Он не желал давать Нике ни единого шанса. Мои кулаки уже сжимались и буквально зудели, желая избить этого гада.

— Нет! Есть алиби! Ника была со мной! — выкрикнул я. Весь класс посмотрел на меня. Кто-то глядел с удивлением, кто-то с призрением, а кто-то с искренней жалостью. Серёга решил сам лично добиться от меня правды. Он сошёл с кафедры и подошёл ко мне вплотную.

— Лёха, подумай-ка сейчас хорошенько. Сейчас одно твоё слово решит всё. Если ты заступишься за Никто, то претензий нет, ты, безусловно, её спасёшь, будешь героем. Но перед нами на коленях стоит твой лучший друг, и ты собираешься его подставить? Как ты будешь жить с таким позором? Ты можешь его спасти, просто скажи, что Никто с тобой не было. Пойми, она — пропащий человек, ей уже ничего не поможет. Выбирай, кто для тебя важнее. Выбирай, на чьей ты стороне.

Серёга серьёзно озадачил меня своим монологом. Меня первый раз в жизни поставили перед таким сложным выбором. Я знал, что Толик не причём, и эти деньги — просто глупое

стечение обстоятельств. Я не мог предать друга.

Я посмотрел на Толю. Он смиренно стоял на коленях перед всем классом, он терпел это унижение, зная, что невиновен. Он поднял голову и прошептал: «Помоги мне».

— Ника была вчера со мной, — еле слышно проговорил я.

— Хорошо, я тебя понял, — Серёга добился того, что хотел. Он попросил всех девчонок побыстрее собраться и освободить кабинет. Сейчас должна была состояться казнь Толика. Он решил в последний раз попробовать спасти себя.

— Серёга, я не крал эти деньги! — убедительно произнёс он. Но тот даже в его сторону не взглянул. — Это мои деньги для мамы на лекарства! Я тебя прошу, не забирай их у меня! Серый, я тебе чем угодно поклянусь, я всё, что угодно сделаю, только не забирай эти деньги!

— Толик, ты вор, — отчеканил Серёга и развалился на учительском стуле, — мы всё понимаем, если бы ты пришёл к нам сам и попросил эти деньги, то мы бы, конечно, тебе их дали. Но ты поступил как крыса, а что у нас делают с крысами?

— Крыс травят и убивают, — повторив выдержку из «Законов 8 А», придуманных Серым ещё в шестом классе, Толик вовсе поник.

Я ушёл вглубь кабинета, подальше от разборок, но даже оттуда мне было всё прекрасно слышно. Я и сам содрогался от каждого звука удара. Валера и Дима хорошо знали своё дело палачей. Толик молча сносил все удары, не вымолвив за эти пять минут ни слова, не издав ни звука. Чёрт, лучше бы он кричал! Я представлял, что сейчас творить в его голове, теперь в его глазах я предатель. Друг первый раз попросил меня о помощи, а я кинул его! Я чувствовал себя ничтожеством.

Когда Валерка и Дима закончили своё дело, парни оставили нас с Толиком в кабинете один на один. Минуты две Гордеев просто пытался отдышаться, а я, как жалкий трус, боялся повернуться к нему лицом и посмотреть в глаза. Толик опёрся спиной на стену и вытянул перед собой ноги.

— Ну, чего ты там завис, — просипел он мне. Я подбежал к нему. Вид у него был кошмарный: ссадины на лице, синяки по всему телу, рубашка порвана, из носа кровь текла ручьём. Толик, видя моё бездействие, начал командовать, — столбом не стой, аптечку сюда тащи!

Я принёс ему аптечку и обработал все ссадины. Похоже, Димас и Валера перестарались, они сломали Толику нос. Я помог другу встать, и мы потихоньку пошли домой.

— Толь, ты прости меня, — на душе было тоскливо. Гордеев, как всегда, промолчал.

— За что тебе извиняться? — Толик сделал вид, будто ничего случилось, и он не понимает о чём речь. — Ты не меня жалея, ты лучше себя пожалей. Мне ничего не будет, я же дворовый, на мне всё как на собаке заживает. Одно только жалко, я за эти деньги три ночи не спал, по всему городу носился по подработкам, как раб на галере, а тут пришёл Серый и всё забрал. Что я скажу брату и сёстрам, если маме станет хуже? Хотя, кого это сейчас волнует?

У Толика определённо был талант. Он сказал мне всего лишь одно предложение, а мне стало так стыдно, что я готов был сквозь землю провалиться! Я твёрдо для себя решил, что найду деньги и отдам их Толе. Когда я пришёл домой, я сразу прошёл в свою комнату и собрал все диски с компьютерными играми. Вытащил заначку и, не отвечая на вопросы родителей, ушёл. Я решил продать все свои игры, на них у меня уже давно был покупатель. Когда я собрал нужную сумму, я дошёл до Толика. Он долго и упорно отказывался брать деньги, но я сумел его уговорить. Окрылённый тем, что помог другу я пошёл домой, а Толик, радостный не меньше меня, побежал в больницу. Я шёл домой и думал: «А станет ли моя совесть хоть чуточку чище?». Ответ, похоже, был отрицательным.

Как-то неожиданно для всех, после этих дурацких разборок из-за кражи, наступил тот день, ради чего всё затевалось, наступил день смерти Яны Кравченко. Вся школа была погружена в траур, на стенах в коридорах были развешаны фотографии девчонки, на первом этаже соорудили специальную доску, где каждый мог что-то написать для Яны. Сегодня уроки естественно были сокращённые, да и учиться в такой день совсем не хотелось.

Мы классом договорились поехать на кладбище на школьном автобусе сразу после уроков. Маша и Серёга купили действительно очень красивый венок. До места мы доехали довольно быстро. Мы разделились по парам и немного боязливо прошли через кладбищенские ворота на территорию. Я был здесь лишь однажды, когда мне было лет шесть, меня привезли на похороны дедушки. Мне было не очень приятно здесь находиться, жутковато немного. Нас, как всегда, вёл Серёга. Он безошибочно ориентировался в этих тропинках, оградках, бесчисленных крестах и памятниках. Я озираясь по сторонам и заметил, что Ника с нами не поехала. И хорошо, что её нет, нечего ей здесь делать.

Вот мы и дошли до участка Яны. Оградка была кованой и покрашена в голубой цвет. На сером мраморном памятнике висела фотография юной красавицы, она улыбалась и все запомнили её такой. Парни водрузили венок на могилку. Девочки, не в силах больше

сдерживать себя, плакали, повиснув на парнях, хотя и эта опора была не слишком крепкой.

— Наша Яна была прекрасным человеком, — вздохнул Толик, опустив свой взгляд на, перемешанный с грязью, снег под ногами. Гордеев будто бы хотел там что-то увидеть, понять, почему всё это происходит.

— Гордость, не нагнетай, — попросил Валерка. Я смотрел на своих одноклассников и удивлялся. Я давно считал, что они все зачерствели и не способны даже на сострадание. Это было не так. Слезы горечи обжигали их сердца. Они ещё что-то чувствуют. Они ещё помнят.

Настроение было паршивое. Снова повалил снег громадными хлопьями, оседая на шапках и плечах ребят. Мы побыли на кладбище ещё немного и стали расходиться.

Сегодня мы, наконец-то, закончили четверть. Я знал, что дома меня будет ждать грандиозный скандал по поводу того, что я чуть не схлопотал тройку по химии. Но я старался не думать о грустном. Было шесть вечера, я шёл на школьный бал, посвящённый Новому году. Я решил зайти за Никой и пойти вместе с ней. К моему приходу она уже вышла из подъезда. Из-под шапки у неё выбивались залакированные кудри. Время до бала ещё оставалось, поэтому мы, не торопясь, решили прогуляться по знакомому и любимому нами парку.

Уже стемнело, всюду горели огни фонарей, вывесок и прочей иллюминации. Сияла новогодняя ель, увешанная гирляндами и бахромой снега. Ника шла, запрокинув голову, и часто от этого спотыкалась.

— Что ты там ищешь? — спросил я, придерживая её за руку.

Она улыбнулась и, не думая, ответила.

— Конечно же звёзды, но их пока не видно. Ты только посмотри какая красота, какие причудливые тона сегодня выбрало небо!

— Обычное тёмно-синее небо, как и всегда.

— Особенное. Потому что под ним мы.

Вероника иногда говорила такие странные вещи, что в дрожь бросало. Однако, если постараться и вдуматься в смысл, то можно выйти к самым невероятным заключениям.

До школы мы дошли быстро, но нужно было торопиться, иначе дверь в спортзал, где проходил бал, могли закрыть перед самым носом. Предчувствия не подвели. Как только мы разделись, я увидел, что двери в спортзал начали закрывать, поэтому я взял Нику за руку, и мы скорее побежали. Успели, мы зашли последними.

Свет был потушен и лишь быстро мелькающие разноцветные огоньки сверкающих софитов освещали всё. В центре стояла огромная зелёная ель, украшенная красивыми игрушками, яркими гирляндами и мишурой. В зале было много людей и в основном это были старшеклассники. Но даже в этом хороводе, мне сразу бросилась в глаза наша святая компания, я увидел как рядом с ёлкой стоят Серый, Валера, Дима, Игорь, и Толик. Ребята заметили меня и помахали мне руками, а потому дружно пустились в пляс. Да-а-а, умеют люди отдыхать! Я посмотрел на диджея, который ставил нам музыку и очень удивился, ведь это был Артём Кузьмин! За диджейским пультом он чувствовал себя, как рыба в воде, даже пританцовывал со всеми. Я, оказывается, серьёзно недооценивал парня.

Пока я глядел по сторонам, Ника куда-то отошла, а ко мне в прямом смысле подплыл улыбающийся Толик. От него издалека веяло «счастьем». В руках у него была небольшая бутылка из-под Спрайта.

— Ты чего такой счастливый? — спросил я.

— Просто маму на выходных обещали выписать, — сообщил Толик и повис у меня на шее. Я думал, он меня задушит в объятиях, честное слово. В обычной жизни Гордеев никогда себе такого не позволял, — спасибо тебе, Лёха, я тебе всё-всё верну! Я теперь у тебя в долгу!

— Да понял я уже! Перестань меня душить, отпусти, туша! — Толик неохотно, но всё же отпустил меня.

— Кстати, я там с парнями вопрос решил по поводу кражи, они извинились и обещали, что скоро вернут деньги. Я так рад, — и Гордеев опять полез обниматься, я еле как сдержал его. Мне стало очень жарко.

— Толян, что у тебя в бутылке? Пить хочу до жути!

— Да ты пей, пей, — он заулыбался ещё шире и протянул мне бутылку. Я сделал несколько глотков и закашлялся от неожиданности. В бутылке была явно не вода.

— Ты debil?! Что там было? — закричал я на друга. Он взял у меня бутылку и лишь рассмеялся. Оказалось, в бутылке помимо безобидной газировки была ещё и водка, а этот алкаш меня даже не предупредил! Грозясь прибить, я послал Гордеева куда подальше.

Хотя я выпил и немного, но у меня слегка закружилась голова. После появилась необъяснимая эйфория и лёгкость во всём теле. Я искренне надеялся, что в бутылке не было больше ничего кроме водки и спрайта. А между тем ко мне вернулась Вероника.

— Чего Толик от тебя хотел? — спросила Ника и осмотрелась по сторонам, чтобы убедиться, что Гордеев уже точно ушёл далеко.

— Да так, не важно, — пробормотал я. Меня слабо качнуло в сторону, но я устоял. Ника, к моему счастью, ничего не заметила.

— Эй, друзья, — Тёма взял микрофон и обратился в зал, — сейчас специально для вас прозвучит прекрасная мелодия. Парни, не теряйте свой шанс, приглашайте скорей девчонок!

Зазвучала музыка. Я знал, что это любимая песня Ники. Я должен был потанцевать с ней.

— Ника, — я взял её за руку и провёл на более свободное от людей место, — можно с тобой потанцевать?

— Но я, как бы, — Ника замаялась, не зная что сказать. Она нервничала, а после выпалила всё и поникла, — не очень умею танцевать.

— Расслабься и всё будет хорошо, — я улыбнулся и обнял её за талию. По началу она была скованна, но позже успокоилась и её движения стали более уверенные.

Я танцевал и не верил своему счастью. Я был счастлив уже просто потому-что она улыбается. Да и ей, похоже, тоже было со мной хорошо. А много ли человеку для счастья надо? Мимо нас проплывали наши одноклассники. Наташа танцевала со своим парнем-десятиклассником, и продолжала держаться как настоящая королева. Серёга, естественно, кружился в танце с Машей. Всё-таки это обычные слухи, что они расстались, просто друзья так не смотрят друг на друга. Чуть позже, вблизи нас оказался Валера, который никак не мог оставить своего друга, поэтому танцевал с Димой. Как по мне, ничего милее и смешнее я в жизни не видел. Правда, потом они всё-же разошлись, Валерка потащил танцевать упирающуюся Диану, а Димка нашёл Катю и пошёл танцевать с ней. Когда рядом показался Игорь, я старался не сталкиваться с ним взглядом, но был рад за Сашу, что её впервые за весь вечер хоть кто-то уговорил потанцевать. А вот звезда сегодняшнего вечера Артём танцевал со своей девушкой — с Юлей. И кто-бы мог подумать, что он такой разносторонний человек.

Я не знаю, как мне в голову залетела эта мысль и, возможно, это пагубное влияние алкоголя, но я твёрдо решил сегодня признаться Веронике в том, что она мне нравится. Вот только зал, полный людей, совсем не подходил для этого. Тут мне в голову пришла ещё одна гениальная мысль, но для её осуществления мне нужно было найти Гордеева.

— Ника, ты не устала? — поинтересовался я. Мне нужно было под безобидным предлогом вывести Веронику из зала и, желательно, чтобы первая инициатива была с её стороны.

— Если честно, немного, — призналась она, — не отказалась бы посидеть и подышать свежим воздухом.

Отлично! Так, осталось найти Толика. А, вот он, кстати.

— Толян! — позвал я его. Не с первой попытки, но всё-же он дошёл до меня. — У тебя ключи от нашего кабинета с собой?

— Да, а что такое?

— Дай их мне! Я тебе потом всё объясню. И дай-ка мне ещё выпить твоей «святой воды».

Толик, ухмыляясь, отдал ключи и протянул мне бутылку. Там было немного, я допил остатки «счастья». Я взял Нику за руку и мы, минуя охрану, проскользнули на лестницу. В школе темно было, лестницу освещал лишь свет, идущий с улицы, где тускло горел лишь одинокий фонарь. Мы словно воры тихо крались по этажу, чтобы нас не поймала охрана или кто-нибудь ещё из взрослых. Пришлось заставить Нику снять туфли, потому-что цоканье каблучков создавало много шума. Мы дошли до кабинета, и я открыл дверь.

Здесь было всё как всегда, только очень темно и тихо. Вероника поспешила взобраться на подоконник и приоткрыла маленькую форточку, а я сел за учительский стол. Минут пять я просто молча не сводил глаз с неё, а она не обращала на меня никакого внимания и смотрела на ночное небо сквозь стекла окон. Я любовался ею. Когда я только успел в неё влюбиться?

— Я же тебя не поблагодарила, — проговорила Ника после долгого молчания, — ведь тогда, когда меня хотели обвинить в краже, ты защитил меня. Спасибо.

— Ника, спустись, пожалуйста, вниз на кафедру, — попросил я. Она выполнила мою просьбу. Я подошёл к ней очень близко. У меня бешено заколотилось сердце, и руки похолодели отчего-то. Я в первый раз так серьёзно попал, было дико страшно. Вероника ждала, а я не мог вымолвить ни слова и стоял как дурак.

— Ника, ты мне нравишься, — выпалил я. Сказал — и сразу так легко стало, кровь стала живее бежать по венам, разгоняя адреналин.

— Ну, ты мне тоже нравишься, — смущённо улыбаясь, ответила она, — ты хороший очень...

Я чуть не закричал во весь голос от радости. Мне показалось — я сошёл с ума, и всё происходит не со мной. Я никогда не был так счастлив, в тот момент я готов был обнять весь мир, всех-всех и даже гада Игоря. Я приблизился к Нике и чуть наклонил голову. Мне так хотелось её поцеловать, но я боялся испугать её своим пылом.

— Стой, подожди, — прошептала она и выставила руки вперёд, упираясь мне в грудь и заставляя отойти.

— Что такое?

— Я так не могу! Ты мне очень нравишься, правда, но я не люблю тебя. Ты всего лишь друг, и я люблю другого.

Знаете, я никогда раньше до конца не понимал значения слова френдзона. А в тот момент понял, причём сам испытал на себе все её, так сказать, прелести. Она сказала, что я для неё друг, а внутри меня пол мира рухнуло к черту. Я так и сел на стул в шоке. А она снова залезла на свой любимый подоконник.

— Ты сказала, — выбирая слова из бесчисленного потока в моей голове, проговорил я, — что любишь другого... кого?

— Я люблю Толика Гордеева, — ответила Ника и облокотилась на подоконник.

— Ника, я тебя умоляю, скажи, пожалуйста, что это шутка! Только не Гордеева! Он же тебя ненавидит больше всего на свете, почему именно он?! Почему человек, которого ты любишь, терпеть тебя не может, а я — тот, кто с первых дней был с тобой, кто всегда заступался за тебя, всего лишь друг?!

Вероника молчала. Я видел, как из её глаз, словно маленькие прозрачные кристаллы, сыплются слёзы, как они растекаются по лицу, скатываются каплями по щекам и падают на подоконник.

— Отвечай! — я и сам испугался того, что закричал на неё. Но я ведь не железный. Этс

было явно лишним. Вероника-же как-то переменялась в лице, приподнялась и задала довольно странный вопрос.

— Ты знаешь, из-за чего мы поругались с Яной перед её смертью?

— Причём тут это? — я искренне не понимал, к чему она спросила это, но взглянув на неё, я понял, что лучше ей ответить, — Толик рассказывал, что вы, вроде, парня не поделили.

— Да, всё так, вот только никто, кроме нас двоих не знал, о каком парне идёт речь. Видишь ли, какая штука приключилась, наша ангельская Яночка влюбилась в непостижный для неё образ, влюбилась в хулигана-Толика. И в обычной жизни такая смелая, она боялась даже просто заговорить с ним, краснела, когда слышала, как он произносит где-то её имя, и не нашла ничего лучше, как рассказать о всех своих страданиях своей лучшей подруге... мне. Я внимательно выслушала её и поняла, что ей просто нужны новые ощущения и статус в обществе. Она хотела просто использовать Толю, а потом, когда он бы надоел ей, она бы его отшвырнула, как ненужную и порядком надоевшую игрушку. А я всегда видела в Толике прекрасного человека, я всегда знала, что он не такой как все, но меня никто не понимал, ведь для всех Гордость был просто весёлым идиотом, который дружит со старостой. Мы с Яной сильно поругались из-за этого и решили собраться в классе, чтобы выяснить отношения. Яна была очень вспыльчивой и горделивой, поэтому разговора не получилось, и мы подрались.

Ника рассказывала мне всё это и сама не замечала, как медленно открывает это злополучное окно. Она была будто не в себе, для неё сейчас ничего не существовало, кроме воспоминания того дня. Мне было жутковато слушать всё это и смотреть, как изменяется её лицо. Оно уже давно перестало быть милым и красивым, появилась какая-то жестокая, не человеческая гримаса. Так улыбаются псих-больные в припадке. А в глаза я и вовсе боялся посмотреть. Ника и в спокойном состоянии будто заглядывала в душу, а сейчас и вовсе просто выворачивала всё живое наизнанку. Она распахнула окно, встала лицом к ветру и расправила руки, словно крылья.

— В тот раз Янка стояла так же. «Ах, я так люблю эту свободу, когда ветер треплет мои волосы, когда я чувствую себя птицей в небе!» — это были её слова. Господи, как же я ненавидела эти её заученные и пропитанные слащавой фальшью фразы! Она во всём старалась казаться лучше, чем есть на самом деле! Она всегда лучше смотрелась на моём фоне: принцесса Яна и её скромная подруга Вероника. Хотя, нет, она меня и за подругу не считала, я для неё — тело, которое можно использовать как угодно. Высокомерие её погубило. Она всегда мечтала летать выше всех. Я исполнила её мечту. Она полетела. Из окна.

— Что?! — я до последнего надеялся, что всё это просто бред, сказка, выдумка, что так не будет, что Ника не убийца! Но посмотрев на неё я понял, что это не шутки. Я не верил, не хотел верить, — Ника, ты не могла!

— Да, не могла, — она с некой грустью вздохнула и села в оконном проёме, свесив ноги наружу, — и кто бы мог подумать, что маленькая девочка, ещё совсем ребёнок, сможет кого-то убить? По началу, я очень испугалась, и мне было стыдно, я просила прощения, я поняла, что совершила ошибку! Но одноклассники не желали меня прощать. А потом начался этот нескончаемый ад с постоянными драками и унижениями. Я пыталась им всё объяснить, но они ополчились против меня. А когда человеку каждый божий день говорят, что он тварь и убийца, поневоле хочется убивать и мстить всем. Вспомним последние события этих дней.

Помнишь эту знаменитую кражу? И здесь не обошлось без меня. Я просто хотела проучить Серёгу и Игоря, они оба строили из себя крутых парней, но что было бы, когда на них с обвинениями накинута весь класс? Пришлось повозиться с ключами и электричеством, и если бы Игоря не было в школе, никто бы даже не подумал на меня.

— Ты с ума сошла?! Ты понимаешь, что я из-за тебя чуть друга не потерял! Я его предал, чтобы тебя выгородить, а ты всего лишь хотела потешить своё самолюбие и подставить Серёгу?!

— Я хотела, чтобы они хоть раз оказались на моём месте. Они должны были хоть раз почувствовать то, что чувствую я. А ты, ты такой же как и все они. Трус несчастный! Я заставлю тебя страдать!

Её слова вылетали из горла криком. Всё это жутко долго сидело у неё внутри и теперь рвалось на волю.

— За что? Ты хочешь, чтобы все вокруг мучились так же, как ты?

Я всё ещё хотел её спасти.

— Ты хоть знаешь сколько боли они мне причинили?!

— А ты на боль отвечаешь болью?

— Пусть поймут, как прогнали их души!

Всё смешалось. Ветер, обжигаяще холодный, пробирающий до костей, совсем не мог остудить мою разгорячённую голову и сердце, которое каждым ударом будто желало пробить дыру в моей груди. Вероника сидела, уткнув лицо в колени, и рыдала. Лунный свет падал на её волосы, которые теперь мне казались прозрачными, а кожа потеряла все краски и стала мертвецки-белой. Теперь я понял, почему Толик при нашей первой встрече назвал Нику призраком. Она действительно больше не жила с того дня, когда погибла Яна. Она — мёртвая душа.

— Почему ты никогда не просила у кого-то помощи? Одноклассники тебя два года избивали, и никто этого не заметил? Почему ты не обратилась в полицию?

— А смысл? Придёт дяденька инспектор, скажет ребятам: «Не делайте так больше», они головками покивают, на этом и разойдутся. Что я — племянница простого учителя математики, могу сделать против детей директоров или сотрудников полиции? Ты не знал, но отец Серёги в МВД работает. Глупо говорить о какой-то справедливости. Не хочу об этом, ничего уже не изменишь. У меня нет теперь другого пути, только вперёд. Ребята говорили, что мне самое место в аду. Может, Яна была права, летать — это здорово? Проверим.

Ника встала в полный рост. Она уже порядком замёрзла, но закрывать окно не собиралась. Она просто шагнула вперёд и исчезла внизу. Я рванул к окну, прошло всего лишь несколько секунд, но было поздно, Вероника лежала на снегу без движения. Я услышал чьи-то шаги за спиной. Это был Толик. Он тоже подошёл к окну и взглянул вниз.

— Мать твою, ты что тут делаешь? — закричал я на него. Он не реагировал. Я хорошенько хлестанул его по лицу. — И даже не смей думать, будто бы это я её выкинул!

— Да успокойся, я всё сам видел, — наконец пробормотал он, — бежим вниз, нужно звать взрослых, может, она ещё живая!

Я плохо помню, что было позже, происходящее напоминало кошмар. Мы со всех ног бежали с Толиком по коридору и ворвались в зал. Включился свет, после смутных объяснений Гордеева стали раздаваться удивлённые возгласы и крики ужаса. Поток людей хлынул из школы на улицу, забирая и нас с собой. Пётр Андреевич, увидев Веронику,

кинулся к ней. Он кричал, звал на помощь и никак не мог поверить в то, что его любимой племянницы больше нет. Раздался душераздирающий рёв сирен. Меня окружило множество людей, они пытались добиться, что произошло, но я был на грани обморока и сам ничего не понимал. Если бы не Толик, который вцепился в рукав моей куртки и крепко держал меня, не отпуская ни на минуту, я бы точно где-нибудь рухнул. Все бегали и суетились вокруг Ники, а ей уже было всё равно. Я боялся посмотреть на неё. Боялся увидеть это испуганное лицо и глаза, в которых навсегда останется боль и слёзы. Школа пустела с каждой минутой, напуганные подростки бежали домой, учителя возились с убитым горем математиком, а потом все уехали в больницу. Спустя два часа всё полностью стихло. На холодном крыльце прямо на ступеньках остались сидеть я, Толик, Серёга и Артём. Мы пили остатки водки. Да, на наших глазах умер человек, а мы просто сидели и пили.

— Как ты оказался в кабинете? — спросил я у Толика. Он помолчал, пытаясь собраться с мыслями.

— У меня сигареты закончились, — признался он и стал искать по карманам зажигалку, — а в кабинете физики рядом с вольтметром и электрофорной машиной оставалась последняя пачка. Вот я и пополз потихоньку туда, но там у вас такие страсти начались, я решил у стенок на полу посидеть, посмотреть.

— И долго ты там сидел?

— Ну, как ты ей признался, что она тебе нравится, с того момента я зашёл.

— То-есть, ты всё слышал, что она про тебя говорила, сидел и молчал?!

— Молчал бы ты! Ты там сам подвис, а я и вовсе офигел!

Парни закурили. Курил даже ботаник Артём, но нас это нисколько не удивило. Я сидел и не чувствовал ничего, будто меня самого выкинули из окна, выпотрошили все органы и оставили в таком состоянии.

— Какое всё-таки странное место школа, — задумчиво произнёс Артём и затушил сигарету, — школа учит нас говорить грамотно и красиво, но именно здесь мы чаще всего употребляем маты. Школа учит нас здоровому образу жизни, а мы напиваемся здесь и со спокойной душой прячем в кабинетах сигареты. Школа учит нас помогать друг другу в трудную минуту, а мы готовы передуть своих одноклассников. Школа уверяет, что после нас ждёт светлое будущее и счастливая жизнь, а в итоге это уже второе убийство в нашем классе...

— Так, всё, Кузе больше не наливать, — сказал всем Серёга и выкинул в урну пустую бутылку, — а то у него в башке вместо мозгов уже какой-то кисель.

— Не знаю, как по мне, так он прав, — проговорил Гордеев и поёжился. Было холодно. Серёга лишь усмехнулся. Мы не спеша побрели домой, размышляя о том, что-же будет дальше.

После всего произошедшего Пётр Андреевич уволился из школы и уехал из города. Обеспокоенные родители пожелали установить, как всё было на самом деле и вновь начались эти ужасные расследования. Дело Яны Кравченко вновь возбудили и в ходе расследования выяснили, что Вероника не выкидывала её из окна, девочка просто оступилась на подоконнике. По школе долго ходили разные слухи о том, что Вероника после смерти подруги считала себя настолько виноватой, что её психика серьёзно пошатнулась, поэтому решила, что это она выкинула Яну, а постоянные унижения со стороны одноклассников окончательно подвели дело к такому концу. В наш класс несколько раз приходил участковый инспектор по делам несовершеннолетних и проводил воспитательные

беседы, ведь на нас всех, по сути, лежала одна статья — доведение до самоубийства. До самого окончания школы с нами жила эта ужасная история, которая оставила след в душе каждого.

В тот вечер в день её смерти, возвращаясь домой, я думал о многом. Я не знал, как мне жить теперь дальше, ведь Ника стала, в какой-то степени, смыслом моей жизни. И что делать человеку, когда этот смысл умирает прямо на его глазах?

Я всё ещё любил её. Ника — девочка-Никто — сумела проколотить такую огромную дыру в моей душе, какую я и представить себе не мог. Во мне навсегда поселилась бездна.

Я представил, как через много лет, когда закончу школу и институт, когда съеду от родителей и уже сам стану папой и мужем, после долгого трудового дня я вернусь к себе домой, и там меня встретят дети и жена. Любопытные малыши спросят меня однажды.

— Папа, а когда ты впервые влюбился?

Я улыбнусь и вспомню тот день в школе, тот проливной дождь, под который я попал и жутко промок.

— Мне было лет пятнадцать тогда. Мы с родителями только переехали в тот серый и неприметный городок.

— А как её звали?

Я с некой грустью всё-же им отвечу.

— Её звали Никто.

Больше книг на сайте — Knigolub.net